

ЕВГЕНИЙ ИЛЬИЧЕВ

Литературный конкурс
«Битва жанров»

Победитель
в номинации
Фантастика

Литрес

ПОСЛЕДНИЙ КОНТАКТ

Евгений Ильичев

Последний контакт

«Автор»

2023

Ильичев Е. Ю.

Последний контакт / Е. Ю. Ильичев — «Автор», 2023

Команда космического рудовоза "Марк-10", завершает свою первую экспедицию далеко на пределах Солнечной системы. За плечами годы тяжелой работы и тонны опасного груза в сцепке, а впереди путь домой длиной в два световых года. Экипаж экстренно разбужен сигналом с Земли. Космонавты узнают, что где-то неподалёку терпит бедствие беспилотный звездолёт "Осирис-3" с Искусственным Интеллектом на борту. Экипажу "Марк-10" предлагают "халтурку" - нужно сделать небольшой крюк и провести диагностику вышедшего из строя корабля. Никаких выходов в открытый космос, стыковок или иных фокусов - только диагностика и визуальный осмотр. И всё это за внушительную премию. Кроме того, за выполненную работу экипаж получит в дар и свой бесценный груз. "Плёвое" дело оборачивается серьёзными проблемами, решая которые, команда узнаёт страшную тайну "Осириса-3". Девять человек, пять спасательных капсул и одна страшная правда.

© Ильичев Е. Ю., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	13
Глава 3	20
Глава 4	26
Глава 5	32
Глава 6	37
Глава 7	44
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Евгений Ильичев

Последний контакт

Пролог

Ночной звонок не застал Реджи Синака врасплох – он его ждал.

– Вам уже доложили? – без предисловий перешел к делу премьер-министр.

– Да.

– Что-нибудь удалось выяснить? – в голосе второго лица государства Реджи уловил нотки раздражения – видимо, экстренное совещание кабинета было напряженным.

– Только то, что вам уже известно, господин Никотин. «Осирис-3» не выходит на связь и не передает телеметрию.

– И где он сейчас?

– Две целых три десятых световых года от нас. Вернее, – поправился руководитель проекта «Осирис», – именно на таком расстоянии он находился, когда в последний раз был на связи.

Собеседник на секунду задумался.

– Я думал, вы держите связь со всеми кораблями типа «Осирис» в режиме реального времени.

– Пока они в пределах Солнечной системы – да. На более серьезных расстояниях задержка во времени передачи сигнала сильно усложняет процесс общения с ними.

– Хотите сказать, корабли управляются не вами?

Реджи мысленно ругнулся: уж премьер-министр-то должен знать такие нюансы! Затем, мысленно сосчитав до трёх, выдохнул и ответил:

– Как только корабли проекта «Осирис» покидают Солнечную систему и разгоняются до пятнадцати процентов от скорости света, за полёт отвечают бортовые ИИ.

– Но кто-то же должен их контролировать? – не унимался премьер-министр.

– Дмитрий Борисович, – Реджи стоило огромного труда не показывать своего раздражения, ведь ночь и без того выдалась напряженной, – мы не для того вбухали в этот проект столько средств и времени, чтобы потом подрубать ему крылья. Каждый корабль из проекта «Осирис» оснащен самым совершенным на данный момент искусственным интеллектом. Я уверен, что прерывание миссии связано именно с технической неисправностью корабля. Если «Осирис-3» принял такое решение, будьте уверены, что иного выбора у него не было.

– О каком решении идёт речь?

– Прервать миссию, разумеется.

Премьер-министр помолчал. Десять долгих секунд Реджи Синак слушал его тяжелое дыхание. Наконец чиновник выдохнул, видимо, сделав для себя какие-то умозаключения, и спросил:

– Что вы думаете делать?

– На дворе ночь. Я уже разослал сообщения компетентным людям. Завтра в семь утра состоится первое заседание комиссии по чрезвычайным ситуациям.

– Ну, хоть наброски плана-то есть? – устало произнес премьер. – Я должен доложить президенту... – он на секунду запнулся, – хоть что-то.

– Я уже связался с министерством космического транспорта. Они уже переслали мне карты полётов в том секторе. Я как раз просматриваю их.

– Хотите послать туда корабль?

– Не вижу иного выхода, господин премьер-министр.

– Если не ошибаюсь, дальние рубежи бороздят рудовозы частных компаний. Вы на полном серьёзе планируете подключить их к проекту? Не проще ли послать к «Осирису-3» нашу команду?

– Они к нему будут лететь пятнадцать лет. Плюс время на подготовку. Вполне возможно, там и лететь-то уже не к чему. Будет глупо отправлять экипаж ученых в столь длительный полет вслепую.

– То есть для начала вы планируете убедиться в том, что корабль цел?

– Да, господин Никотин. А пока будем готовить экипаж и спасательную миссию.

– Хорошо. Я вас понял. Что-нибудь ещё для меня есть?

Реджи Синак впервые заколебался. Он ожидал подобного вопроса и боялся его. Как сообщить второму лицу государства новость, которая, вероятно, перевернёт весь мир? Тем более что четких подтверждений он пока так и не получил.

– Реджи? – напомнил о своём присутствии премьер. Пауза затягивалась и с головой выдавала руководителя проекта. – Что-то ещё?

– Да, – Синак сделал вдох и выпалил. – Офицер дальней связи обнаружил в секторе, где пропал «Осирис-3», мощную гравитационную аномалию.

– Гравитационную? Вы имеете в виду чёрную дыру?

– Нет, господин премьер-министр, чёрных дыр там нет. Это... – Реджи не знал, как лучше сказать, и в итоге выбрал самую простую формулировку. – Вероятно, там есть ещё один объект. Массивный.

– Массивный объект с такой гравитацией, что наши системы смогли её засечь?

– Да, господин премьер. Не хочу делать преждевременных выводов, но...

– Да не тяните уже, – начал терять терпение премьер, и Синак решил открыть все карты разом.

– По курсу «Осирис-3» не должно было быть никаких массивных объектов, тем более излучающих такое мощное гравитационное возмущение. Я полагаю, такую гравитационную аномалию могло вызвать лишь одно устройство – гравидвигатель.

– Не хотите же вы сказать...

– Там может быть ещё один корабль.

Глава 1

Медведев взглянул на свои руки – пальцы всё ещё дрожали. Свет в крохотной каюте был приглушен, но и его было достаточно, для того чтобы вызывать у мужчины острые прострелы в голове. Его мучила мигрень, это случалось всякий раз при выходе из криогенного сна. Медики уже предупредили Виктора о том, что это его последний полёт, но в свои тридцать пять мужчина не мог смириться с тем, что дело всей его жизни в скором времени может обернуться для него глубокой инвалидностью. Да и что он будет делать там, на Земле? Ни жены, ни детей. Долги и престарелые опекуны, которых он сплавил в хоспис. Разве что поселиться неподалёку и до конца дней вымаливать у приёмной матери прощение. Его приёмный отец уже перед отлётом был плох, шансов на то, что он будет жив по окончании миссии, почти не было.

Голову вновь разорвал прострел – настолько сильный, что в глазах Медведева потемнело, а к горлу подступил комок. Тошнить было ещё нечем, а потому во рту появился горький привкус желчи.

В каюту позвонили. Легкий мелодичный звук ворвался в черепную коробку и, казалось, разорвал все нейронные связи воспалённого мозга. Мужчина повалился на койку и застонал.

– Дружище, с тобой всё в порядке? – Медведев узнал голос старпома, из-за переборки он звучал глухо. – Все уже собрались.

Медведев сжал пальцы в кулак и дотянулся до панели управления. Дверь с тихим шелестом отъехала в сторону. Виктор не видел входившего, открывать глаза он боялся. Услышал лишь его тихие шаги и почувствовал, как промялась кровать у изголовья.

– Уже долетели? – простонал Виктор.

Вершинин ласково погладил друга по мокрой голове:

– Что, опять?

Медведев не ответил. Горячая ладонь друга успокаивала, почти убаюкивала. Не хотелось ни двигаться, ни говорить.

– Нет, мы не долетели, – не дождавшись ответа, произнес старпом. – Капитан поднял экипаж в связи с ЧП.

– А, зараза, – простонал Виктор, – что-то с грузом?

– Нет, нет! – поспешил успокоить друга Сергей. – Если бы что с грузом произошло, мы бы не успели даже проснуться. Там система дальней связи сработала. Какое-то побочное задание. Не знаю подробностей, но, кажется, что-то важное.

«Что может быть важнее десяти тонн плутония?» – подумал Виктор и открыл глаза. Боль понемногу отступала.

– А где мы? Сколько пролетели?

– Боюсь огорчить, дружище, но мы пролежали в криосне всего три месяца. До дома ещё пятнадцать лет.

– Твою ж мать! – выдохнул Медведев. – Они там что, совсем ох...

– Спокойнее, – попытался успокоить друга старпом, – кэп сказал, что заплатят тройную таксу.

Зрачки Медведева сузились, взгляд заметно оживился.

– Ого! Они что, астероид из платины нашли?

Сергей рассмеялся.

– Всегда догадывался, что жадность – лучшее лекарство для некоторых. Ладно, – старпом встал и похлопал Медведева по плечу, – вставай, капитан собирает всех на мостике. Там всё узнаем. Выпей эту хрень солёную, помогает.

Сергей протянул Виктору пластиковый пакет с регидратационной жидкостью и вышел из каюты. Медведев прислушался к организму: а ведь действительно, легче стало. Тройная такса

– для многих решение почти всех финансовых проблем на Земле. Собственно, у каждого члена экипажа были свои мотивы, чтобы пускаться в такую авантюру. Самый долгий полёт коммерческого транспорта за всю историю освоения космоса – шутка ли? В основном мотиватором были деньги, большие деньги. Только так можно было сагитировать людей выпасть из жизни планеты на тридцать лет. Свои мотивы были и у Медведева, но о них сейчас думать не хотелось, хотя вынужденная остановка наверняка внесёт свои коррективы в его планы. Ничего, подумал он, может, оно и к лучшему. Поживём – увидим.

Превозмогая слабость в ногах, Виктор опять уселся на кровати. Попытался встать, но ноги его не слушались. Вновь сел. С отвращением посмотрел на пакет с желтоватой жидкостью, по вкусу напоминавшей мочу с сахаром, и нехотя взял его в руки. «Ну же, Витя, пей! Хуже, чем сейчас, уже не будет», – приказал себе Медведев и открутил колпачок. Он с ужасом представил, что уже через несколько минут его тело вновь испытает стресс – на этот раз ему придется ощутить невесомость. Жилые отсеки и отсек гибернации «Марка-10» находились в подвижной центральной части корабля, которая постоянно вращалась. Центробежная сила создавала в этих отсеках некое подобие гравитации – всего в пол- G от земной. Если не смотреть на мельтешащие перед глазами звёзды, переносилась она вполне сносно. Капитанский же мостик, а также грузовой, реакторный и шлюзовой отсеки находились на носу и на корме корабля соответственно. Там гравитации не было, и приходилось пользоваться магнитными ботинками. Но это помогало лишь в вопросе ориентации в пространстве и никак не решало проблем с отсутствием гравитации. У неподготовленных космонавтов кровь постоянно оттекала от головы, а обед регулярно просился наружу. Если с первым обстоятельством можно было справиться, используя специальные компрессионные комбинезоны, то тошноту могли облегчить лишь медикаменты. О постоянном ощущении невесомости, которое в дальних полетах раздражало больше всего, и говорить не приходилось. Люди привыкали, конечно, но не сразу и не все. Медведев, к примеру, так и не смог.

До капитанского мостика Виктор добрался лишь через полчаса, там он застал всю команду. Окинув собравшихся опытным взглядом, прикинул масштабы бедствия. Сергей Вершинин – первый пилот и по совместительству старший помощник капитана – сидел в своём кресле и проводил диагностику корабля. Рядом сидела Алла Марр – второй пилот. Коротко стриженная полноватая женщина с вечным румянцем на щеках вертела перед собой голограмму сектора, где мелким пунктиром отображался курс корабля. Оба выглядели сносно – молодым вообще легче дается криосон и дальние перелеты. Возле пилотов, притянутый к полу магнитными подошвами, стоял капитан рудовоза «Марк-10» Георгий Сопкин. Виктор оценил, насколько бодро держался капитан, и невольно позавидовал его здоровью.

«А ведь Сопкин старше меня на тридцать лет», – подумалось ему.

Может быть, генетика всему виной, а может, и образ жизни. Бурильщики всю трудовую жизнь пахали в карьерах и шахтах, управляя тяжелыми буровыми установками. Они бурили практически всё, что можно пробурить в Солнечной системе, и не менее сотни объектов за её пределами. Работёнка не из легких. Это вам не команды отдавать, потягивая кофейный гель. Хотя тут сетовать на судьбу Медведев не стал – как говорится, кто на что учился.

Остальные члены экипажа уже сидели за круглым столом, прижатые к креслам магнитным полем. Хуже всех выглядел Владимир Ильин – штатный физик компании. Виктор раньше с ним знаком не был, но мужик показался ему дельным. Работу свою он знал, с лишними вопросами не приставал, жизни никого не учил. Нравились Медведеву такие люди. Слегка покачиваясь, он сел рядом с физиком и кивнул остальным.

– Вам опять нездоровится, Виктор? – изобразила участие Валерия Мирская, медик компании. Привлекательная молодая блондинка с вечным строгим пучком волос на голове, Мирская оставляла впечатление надменной зазнайки. Она была умна, образована и холодна, как лёд. Авторитетов Валерия не признавала, впрочем, как и банальной человеческой дружбы. В

работе девушка придерживалась формализма и строго соблюдала субординацию – другими словами, на корабле для неё авторитетом был только капитан Сопкин. Она всегда держалась особняком и подпускала к себе разве что инженера Корнеева.

– Ничего. Я уже в норме, – солгал Виктор, натянув на лицо вялую улыбку. В виске щебетнула знакомая боль, и Виктор автоматически зажмурился.

– Ты, говорят, в последний раз с нами, Медведь?

Виктор вновь открыл глаза и наткнулся на хитроватый взгляд своего напарника по буровой установке Андрея Балычева.

– С тобой – точно в последний, – огрызнулся Медведев.

Балычева он недолюбливал, с гнильцой мужик был. Вечно филонил, ни секунды сверх нормы не поработает. Чуть что сломается – лапки кверху и давай ждать техников. Хрен когда сам трансмиссию менять полезет или бур погнутый. «Не царское это дело, – постоянно говорил он, – в заднице ковыряться. Прикажу, поковыряют». Не любил таких Медведев. Но делать было нечего, уж кого поставили в напарники, с тем и приходилось работать.

Остальные сидели молча. То ли от спячки отходили, то ли просто были не в настроении. Инженер-электрик Корнеев ковырял ногтём заусенец на пальце, а геолог Васильев так вообще откровенно спал, развалившись в кресле.

Все восемь членов экипажа ждали разъяснений капитана. Сопкин ещё минут пять что-то обсуждал с пилотами, а затем они втроем подошли к остальным и заняли свои места.

– Значит так, ребята, – начал капитан, – есть вариант подкалмытить.

– А что за работа? – оживился жадный до денег Балычев. – Мы пролетаем какой-то астероид?

– Нет, никаких астероидов в этом секторе нет.

– Тогда в чем работа? У нас же рудовоз, – спросил физик.

Капитан кивнул второму пилоту, и девушка жестом перетащила голограмму с пульта управления на центр стола. В воздухе замерла объёмная модель сектора, где отображались все ближайшие точки привязки. Пунктирная линия курса рудовоза обрывалась маленькой точкой, маркированной как «Марк-10».

– Мы находимся в двух световых годах от Солнечной системы. Ничего примечательного в этом секторе, как я уже говорил, нет. Ближайший к нам крупный астероид «NP-231» находится в пятистах тысячах километров от нас. А вот тут, – капитан указал пальцем на еле заметную точку в пространстве, – застряло исследовательское судно «Осирис-3».

– И чьё это судно? – спросил физик.

– «Осирис» – государственная программа. Все исследовательские корабли межзвёздного класса принадлежат Роскосмосу. Один из них вышел из строя, остановился и теперь дрейфует неподалеку от нас.

– Неподалеку – это мягко сказано, – пробубнил Корнеев. У него был достаточно большой опыт в работе на дальних рубежах. Точка, на которую указывал капитан, в масштабах карты находилась в стороне от курса «Марк-10». – Туда лететь месяцев шесть.

– Восемь, – уточнил капитан.

– И какая нам радость? – подал голос геолог Васильев, нехотя отрываясь от спинки кресла. Часть голограммы светила ему прямо в лицо, что и заставило геолога подать признаки жизни.

– Естественно, нам заплатят, – сразу ответил Сопкин.

– Ну уж нет, – запротестовал Балычев, – знаю я этих скряг конторских. Работы подкинут до жопы, а заплатят с гульки хрен.

– Есть один нюанс, – ответил на это капитан. – Наш корабль выкупили у конторы.

– Кто выкупил? – удивился старпом. Видимо, Сергей ещё не был посвящен во все детали.

– Роскосмос выкупил.

- А груз?
- Вместе с ним.
- То есть мы теперь госслужащие? – не понял Балычев.
- Теперь да.

– Какая досада, – язвительным тоном заметил оператор, – а нас-то спросить забыли. Мы можем с чистой совестью послать Роскосмос в задницу и лететь прежним курсом. Зря только разбудили.

- Платят тройную таксу, – спокойно сказал капитан.

Команда притихла. Это уже было заманчиво. Потратить восемь месяцев жизни, а денег получить в три раза больше. Предложение было интересным, но люди всё же колебались.

Следующей фразой Сопкин добил всех:

- Плюс нам выплатят половину от стоимости груза.

Балычев присвистнул.

- Так, и кого для этого нужно убить? Я готов хоть сейчас.

– Стойте, стойте, друзья, – поднял руки в примирительном жесте физик, пытаясь утихомирить алчный огонёк, вспыхнувший в глазах всех членов экипажа. – Мы ещё не знаем, что за работу нам поручили.

– Да какая, на хрен, разница! – высказал общее мнение Балычев. Как ни странно, но Медведеву его позиция на сей раз была близка и понятна. Срубить столько денег, потратив всего восемь месяцев на коррекцию курса... А действительно, какая разница, что им предстоит выполнить. Хоть прыжок с переподвыподвертом вокруг червоточины! За такие деньги можно и поднапрячься.

– На самом деле, задание звучит довольно просто, – сказал Сопкин. – Нам нужно полететь к «Осирису-3», провести визуальный осмотр корабля и постараться выяснить причину его выхода из строя.

- То есть нам нужно его починить? – не понял физик.

– Нет. Нам нужно только убедиться в его физическом наличии в данной точке, попытаться найти причину поломки и доложить обо всём на Землю по дальней связи. Всё. Никаких выходов в открытый космос, стыковок и тому подобных выкрутасов от нас не ждут. Там не идиоты сидят и понимают, что у нас неповоротливый рудовоз с опасным грузом.

Все притихли. Высказаться решился физик.

– Друзья, вы же понимаете, что бесплатный сыр бывает только в мышеловке. Тут явно что-то не так. Какой-то левый корабль. Вышел из строя. Почему-то не отвечает на запросы и не передает на Землю телеметрию.

- Я, кстати, такого не говорил, – возразил капитан.

– А тут и говорить не надо. Если им потребовался визуальный осмотр, то ясен пень, они понятия не имеют, что произошло с кораблём. Если бы передавалась телеметрия, они и без нас бы поняли, что там сломалось. Значит, это не рядовая поломка. Может, там ничего уже и нет, разнесло на куски этот «Орион».

- «Осирис», – поправил капитан.

– Да не важно. Хоть «Магеллан», хоть «Наутилус». Там явно какая-то хрень произошла.

– Ну, скажем, если там уже нет ничего, – робко вмешалась Алла Марр, – мы зафиксируем обломки или пустоту, передадим информацию на Землю и полетим домой считать деньги. Нет?

- Именно так и сделаем, – кивнул капитан.

– И всё же я сомневаюсь, – упрямылся физик.

– Владимир Иванович, – капитан Сопкин пристально посмотрел на Ильина. – Что вас напрягает?

– Да просто логику включите. Вы сами сказали, что корабль дрейфует. Вы же понимаете не хуже меня, что место, где он находится – это задница мира. Что обычно корабли такого

класса проходят эту точку на полной скорости, а это пятнадцать процентов от световой. На то, чтобы остановить огромный звездолёт на такой скорости, нужно потратить огромное количество энергии и времени. Вот что могло произойти такого, чтобы ИИ корабля принял такое решение?

Все переглянулись и пожали плечами.

– Вот и я не знаю. Выходит, там произошло нечто грандиозное, по мнению ИИ корабля. Событие таких масштабов, что с лихвой оправдывает и окупает затраты на торможение.

– А может, у него просто крыша поехала, у этого вашего ИИ, – возразил Балычев.

– Позволю заметить, – уверенно парировал этот замечание физик, – я не просто так получил докторскую степень по физике и в технологиях разбираюсь. Смеем вас уверить, ИИ на кораблях такого класса не могут просто так сломаться. Это высшая точка развития технологий Земли. А, быть может, и всей вселенной.

– А почему вы отбрасываете вариант технической поломки? – подвесил в воздухе вопрос старший помощник. – Скажем, корабль попал в пояс астероидов, силовые поля не справились с перегрузками и корабль был поврежден. Связь отрубилась, затем каскад фатальных ошибок систем корабля – система за системой. ИИ не видит смысла в продолжении миссии и просто останавливает корабль. Толку от того, что он долетит туда, куда летел, если передать данные на Землю он не сможет? По-моему, логично.

– А куда они, кстати, летели? – спросила Валерия. – Я, кажется, упустила эту информацию.

– Этого нам не сообщили, – спокойно ответил Сопкин. – Единственное, что известно достоверно, – никаких «они». Миссия исключительно исследовательская, полёт проходит в беспилотном режиме. Там за всё отвечает искусственный интеллект.

– Ключевое слово – «искусственный», – буркнул физик.

– Ключевое слово – «интеллект», – возразил ему капитан. – Вы сами сказали, что такой компьютер не может просто так взять и сломаться. Нам всего-то нужно убедиться в том, что корабль цел. Ну, или в том, что его уже нет.

– Ладно, – махнул на него рукой физик. – Я так понимаю, капитан, вы уже все для себя решили. Предлагаю не жевать сопли, а проголосовать. Я прекрасно знаю устав – в таких случаях капитан не имеет полномочий для принятия единоличного решения, оно принимается путем открытого голосования всех членов экипажа.

– В гражданском флоте – да, – согласился капитан. – Но сейчас мы уже не гражданские.

– Ну да, – съязвил физик, – без меня меня женили, вот как это называется. Я на такое не подписывался.

– Как ни странно, – протянул капитан, обводя весь экипаж взглядом, – но я с вами согласен. Думаю, стоит проголосовать. Открыто.

– Это уже другой разговор, – физик удовлетворённо потянулся в кресле, чувствуя вкус близкой победы.

– Только при голосовании прошу всех учесть, – вставил свои пять копеек Сопкин, – что, если мы не полетим, нам вряд ли скажут спасибо. Я вообще сильно сомневаюсь, что нам после такого заплатят хоть что-то. По сути, мы сейчас все внезапно стали военными. И голосование – это лишняя демократическая суеда. Я иду на неё только по одной причине – мне действительно важно иметь под командованием лояльных людей. И важно знать, на кого я могу положиться в этой ситуации. А теперь прошу поднять руки тех, кто против данной миссии.

В воздух поднялась только одна рука. Физик огляделся и медленно её опустил.

– Старпом, – обратился к Вершинину капитан. – Занесите в бортовой журнал запись за текущую дату. Укажите новый курс, задание и отобразите в отчёте факт, что решение принято большинством голосов.

– Есть, капитан! – слишком бодро выкрикнул Вершинин.

– Владимир Иванович, – голос Сопкина, обращенный к физику, звучал мягко, почти ласково. – Я понимаю вас и ваши опасения. Но поверьте, выбор у нас довольно сомнительный. Мы не должны руководствоваться только личными мотивами. В отличие от вас, у всех на этом корабле есть причины подзаработать. И раз уж команда проголосовала, как вы того и хотели, то от вас я жду полного подчинения и самоотдачи. От того, как мы сработаем, будет зависеть и успех всего предприятия. Не будем горячиться и лезть в бутылку. Это космос. Тут не всё бывает так, как хочется нам. Я могу на вас рассчитывать?

Физик потёр виски и обреченно уставился на капитана.

– Ну а куда ж я денусь-то с подводной лодки?

Глава 2

Укладываться обратно в криокапсулы никто не пожелал, слишком уж нерадостной была перспектива лишнего цикла гибернации. Как ни крути, но технология ещё не была отработана и не все переносили её без последствий.

Продовольствия на борту «Марка-10» было достаточно, а потому восьмимесячный полёт в сравнении с процедурами погружения в криосон и вывода из него не казался такой уж мрачной перспективой. На рудовозе у каждого члена экипажа были индивидуальные каюты. Они были хоть и маленькими, всего по пять квадратных метров на брата, но оснащены всем необходимым. Сухой душ, санузел, кровать, стол, медиакомплекс и гравитация – в общем, всё, что нужно для сносного существования на борту рудовоза, чтобы не свихнуться от скуки.

Смущало лишь наличие опасного груза за плечами, но тут, как говорится, ничего не попишешь – такая работа. Все восемь месяцев каждый из членов экипажа занимался своим делом. Капитан и пилоты следили за параметрами курса, системами рудовоза и процессом торможения – за все остальное отвечал бортовой компьютер. За состоянием реактора «Марка-10» и стабильностью груза следил физик Ильин. Алла Марр, навигатор и второй пилот корабля, на досуге развлекалась расчётом сложных траекторий подлёта к отдалённым объектам в разных секторах доступной полётной зоны.

Перспективные планетоиды, астероиды и спутники планет как в Солнечной системе, так и за её пределами давно представляли интерес для горнодобывающих компаний развитых стран. Россия в этом плане традиционно занимала лидирующие позиции. Видимо, такой была её историческая миссия – не дать замерзнуть и скатиться в каменный век всему человечеству. Хотя, как и прежде, не все страны могли спокойно смотреть, как русские, вооружившись уникальными технологиями, с оголтелым энтузиазмом и безрассудной храбростью наперевес покоряют дальний космос. Прямыми конкурентами для русских вот уже четверть двадцать второго века выступали Китай, Индия и энергетический союз арабских государств.

Основной интерес, естественно, представляли урановые рудники. Земля давно истощила свои собственные запасы, а альтернативу ядерной энергетике на планете так и не придумали. Зато сама отрасль за последний век сделала качественный скачок в развитии, чем подстегнула практически все наукоёмкие производства. Бурными темпами развивались информационные технологии, физика, химия, медицина, биоинженерия, ракетостроение, космонавтика. Полёты внутри Солнечной системы стали обыденностью, а в последние пятьдесят лет человек замахнулся и на новые звёздные системы. «Марк-10», собственно, и был одним из первых рудовозов, забравшихся в своих изысканиях так далеко. По мнению учёных-атомщиков и экономистов, оно того стоило.

Практически все крупные города на планете использовали энергию небольших, компактных ядерных реакторов – спасибо военной промышленности и гонке вооружений двадцатого и двадцать первого веков. Реакторы становились меньше, а их производство и обслуживание проще. К концу двадцать первого века основу атомной энергетики планеты составляли миниатюрные реакторы восьмого поколения, производившиеся по принципу модульной сборки. Это унифицировало производственные процессы и упростило сборку готовых атомных электростанций на местах. Энергия атома стала наиболее чистой и, что более важно, самой дешёвой на планете. Компактные монореакторные электростанции использовались везде, начиная от удалённых городков за полярным кругом и заканчивая космическими аппаратами межзвёздного класса. Атомная промышленность постепенно вытеснила углеводородную, во многом она превосходила все отрасли возобновляемой энергетики вместе взятые.

Естественно, при таком бурном развитии атомной промышленности остро встал вопрос дефицита топлива для реакторов. Все современные реакторы, как правило, отличались друг

от друга лишь используемыми теплоносителями, которыми могли быть вода, гелий, жидкий металл или расплавленная соль. В качестве топлива человечество по-прежнему использовало старый добрый уран, коего на земле после бурного роста атомной энергетики оставалось всё меньше. Как оказалось, на бескрайних космических просторах его было предостаточно. Модульные космические корабли-бурильщики вроде «Марка-10» сотнями устремились в бездну космоса в поисках этого ценного ресурса, да и не только его. Они производили разведку и буровые работы практически на всех планетах Солнечной системы и их спутниках. Если та или иная экспедиция натыкалась на богатые залежи урановой руды, на этом месте относительно быстро возводили компактные модульные заводы по её добыче. Благодаря современным технологиям обогащение урана производилось на месте – так было безопаснее, проще и дешевле. На Землю же доставлялось уже готовое к использованию топливо.

Медик Валерия Мирская тоже не скучала, весь полёт она проводила в научных изысканиях. Чем конкретно она занималась, никто не знал, и, если откровенно, никто особо и не интересовался. Не лезет со своими дозиметрами, ну и ладно. Инженер-электрик Денис Корнеев постоянно пропадал в недрах грузового отсека. На борту, напичканном дорогими высокотехнологичными игрушками, всегда было чем заняться и что чинить. Человеком он был нелюбимым, обществу людей предпочитал компьютеры и механизмы.

Легче всего перелёт давался обоим операторам буровых установок, Медведеву и Балычеву. Ребята недолюбливали друг друга, но, вопреки логике, часто проводили время вместе. Их всегда можно было застать на камбузе за игрой в покер или за партией в шахматы. Видимо, их неприязнь складывалась не только из разницы в мировоззрении, но и из банального соперничества. Они во всём были друг другу антиподами, а противоположности, как известно, часто притягиваются.

Тяжелее всего перелёт давался геологу Кириллу Васильеву. Маленький полноватый мужчина с зарождающимся на голове озерцом лысины отчаянно боролся со скукой, не находя себе занятия по душе. Его работа на рудовозе, по сути, заканчивалась ровно в тот момент, когда нужный объект в космосе был изучен и выпотрошен. С того момента, как рудовоз лег на новый курс, бедный геолог слонялся по кораблю без дела и нередко докучал остальным членам экипажа своим нытьём. Не помогали ни книги, ни фильмы, ни музыка. Ему пару раз даже намекали на возможность забраться в криокапсулу, но он, как и большая часть экипажа, плохо переносил дегибернацию, а потому от такого разрешения своих мытарств категорически отказывался. В конце концов Валерии удалось подобрать геологу хорошую седативную терапию, и тот проспал большую часть пути естественным образом.

Так незаметно прошли восемь месяцев полёта. Все это время «Марк-10» притормаживал и к заданной точке выходил уже на скорости, вполне соответствующей должным скоростям маневрирования в Солнечной системе. В один из стандартных дней безделья капитан собрал экипаж на мостике и сообщил, что сегодня в час дня по стандартному земному времени будет произведена процедура финишного оттормаживания. Этот процесс был самым неприятным в космических полётах, если не считать гибернации. Во время него, согласно технике безопасности, отключалась искусственная гравитация и задействовались маневровые двигатели малой тяги. Вестибулярный аппарат неподготовленного космонавта мог при этом выдать пару-тройку сюрпризов.

Капитан Сопкин уже заканчивал инструктаж, когда его отвлёк старпом:

- Товарищ капитан, у нас новое сообщение с Земли.
- Сейчас, погоди, – отмахнулся Сопкин, но Вершинин стоял на своём.
- Думаю, вам лучше сразу взглянуть на эти данные.

Сопкин картинно закатил глаза и развернулся к старпому, жестом позволяя экипажу разойтись по каютам.

- Ну, что там у тебя?

– Вот, – протягивая капитану планшет, старпом бросил на остальных членов экипажа озабоченный взгляд. Это заметили оператор Медведев и физик Ильин. Заинтригованные, они задержались на мостике. Остальные ушли.

Капитан смотрел в планшет и хмурился всё сильнее.

– Что не так? – спросил физик, улавливая настроение капитана. Сопкин рассеянно взглянул на мужчин, застывших между отсеками, и как-то неуверенно скомандовал:

– Займите свои каюты, господа. Мы приступаем к торможению. После я вас соберу для экстренного совещания. И да, Владимир Иванович, перед торможением я попросил бы вас ещё раз проверить груз. Думаю, минут тридцать у вас есть.

Физик пристально посмотрел на капитана, затем на старпома, но больше ни о чём спрашивать не стал.

– Пойдём, Виктор. Поможешь мне, – сказал он Медведеву и увлёк оператора за собой.

– И что это должно означать? – набросился на старпома капитан, когда мостик опустел.

– А мне почём знать? – изумился такому напору Вершинин. – Я сам только распаковал эту передачу.

– А ошибки тут не может быть?

– Они не прислали бы нам эти данные, если бы были уверены в ошибке.

– Да, ты прав, – капитан выглядел озабоченным. Его глаза бегали по интерьеру мостика, то и дело возвращаясь к информации на планшете, которую только что получил «Марк-10».

– Ладно, – наконец принял решение Сопкин, – давайте готовиться к торможению, а после обсудим всё с командой. Может, у кого-нибудь из этих оболтусов и появятся здравые мысли на этот счёт.

Манёвр прошёл без сучка, без задоринки. Все системы отработали как надо. Уже через десять минут после торможения возобновилось вращение жилых модулей, и все члены экипажа вновь почувствовали на себе тяжесть гравитации. Тут же ожил селектор.

«Всем членам экипажа собраться на мостике через пять минут», – возвестил из него сухой голос старпома.

Долго ходить вокруг да около капитан не стал.

– У нас новые вводные, – сообщил он собравшимся. – С Земли передали, что в предполагаемом месте поломки исследовательского судна «Осирис-3» не так давно была зафиксирована гравитационная аномалия.

– Чёрная дыра? – уточнил физик.

– Нет, – успокоил экипаж Сопкин, – аномалия слишком мала, чтобы говорить о чёрной дыре. Кроме того, она была зафиксирована лишь единожды. Искривления пространства-времени не пропадают сами по себе.

– Это естественные дыры не пропадают, – тут же вставил свои пять копеек физик Ильин.

Капитан и физик уставились друг на друга в немом диалоге. Повисла минутная пауза.

– Думаю, я выражу общее мнение команды, – заговорил Медведев, – если скажу, что большинство из нас не сильны в физических аномалиях гравитации. Может, вы разъясните нам, в чём заковыка?

Капитан не выдержал взгляда физика и, отвернувшись к панели управления кораблем, произнёс:

– Похожие аномалии фиксировались при испытаниях новейшего гравидвигателя. Это перспективная разработка Роскосмоса. Секретная.

– Но, насколько мне известно, – взял слово физик, – эта технология так и не была доведена до ума. Испытания проводились недалеко от Сатурна, и его тяготение всё испортило.

– Так и есть, – кивнул капитан физику, вновь повернувшись к команде. – Они пытались понять, можно ли использовать гравидвигатели в пределах Солнечной системы или на подлёте к планетам других звездных систем. КПД таких двигателей превышает КПД нынешних

импульсно-ионных, но не намного. В ходе испытаний выяснилось, что их можно использовать только за пределами зон влияния массивных планет, а стало быть, их производство пока нерентабельно. От проекта отказались и отправили его на доработку.

– Или не отказались? – усомнилась Валерия. – Откуда тогда аномалия?

– Вот это нам и нужно выяснить.

– А спросить у ЦУП напрямую – не вариант? – спросил Медведев.

– Эти жуки боятся любой утечки информации, – пробубнил Балычев, ковыряя ногтем в зубах. – Так они тебе и ответили в открытой передаче.

– Тоже верно, – согласился капитан, – но я всё же попытался. Они ответили четким «нет».

На борту «Осириса-3» не был установлен гравидвигатель.

– Давайте не будем наивными, – развел руками физик, – принцип работы гравидвигателя известен не только русским. Исследования в этом направлении наверняка ведутся и другими державами.

– Стоп, стоп! – не выдержал Медведев. – Вы сейчас намекаете на то, что рядом с этим «Осирисом» может быть ещё один корабль?

– Я ни на что не намекаю. Просто говорю, что такая технология может в любое время появиться и у китайцев, и у арабов, и у любой другой космической державы. Даже частные компании ведут такие разработки.

– Допустим, – согласился с предположением капитан Сопкин. – Предположим, у кого-то появился корабль, способный забраться так далеко и работающий на принципиально новом движке. Зачем ему подбираться так близко к «Осирису»?

– Ну, это уже не моя компетенция, – ответил Ильин. – Я могу допустить, что у кого-то такие корабли есть. А вот что им нужно от нашего корабля, тут уж увольте. Даже предполагать боюсь.

– Если это так, – задумчиво произнес геолог, – то, вероятно, мы с вами можем стать свидетелями первого в истории космического пиратства.

– Не спешите с выводами, Кирилл Сергеевич, – спокойно произнес Сопкин. – У нас нет никаких оснований полагать, что кому-то взбрѣдет в голову подлетать к звездолѣту так близко. На таких скоростях это просто немыслимый риск. Малейший просчѣт – и оба корабля разлетятся в пыль.

– Но исключить вы это не можете, – возразил геолог.

– Как и доказать, – добавил физик.

Вновь повисла тишина. Каждый думал о своём, новых предположений никто не выдвигал.

– Что ж, – сказал капитан, – раз уж никаких идей больше нет, предлагаю решить, полезем мы во всё это или свалим немедленно.

– Эй, кѣп! – возмутился Балычев. – Хотите сказать, мы тут восемь месяцев зазря куковали? Если свалим, никто нам не заплатит!

– А полезем, можем нарваться на неприятности, – тихо сказала Валерия Мирская.

– Капитан, – обратился к Сопкину геолог, – я вижу вашу озадаченность и, если честно, сам удивляюсь себе, но... – он встал и прошелся вдоль стола. – Вы себе представляете корабль с этими гравидвигателями?

– Ну, теоретически, – задумался капитан, – да. Думаю, смогу разглядеть.

– Да там все смогут, – сказал физик. – В отличие от простых двигателей, которые толкают корабль, гравидвигатель располагается на его носу. Он изменяет пространство перед собой, вроде как сжимает его. Затем корабль просто всасывается в эту область искривления гравитации и за счет этого перемещается.

– В целом, правильно, – подтвердил Сопкин. – Только вы описали не полный цикл и не совсем верно. Гравитацию перед кораблем не сжимают, а наоборот, усиливают.

– Ну да. Я именно это и имел в виду.

– Но этого мало, – продолжил капитан, – нужно ещё и пропорционально уменьшить ее позади объекта движения. То есть к одной точке корабль притягивается, а другая точка вроде как отпускает корабль, то есть отталкивает его в нужную сторону, иначе корабль разорвёт. Устройства эти довольно объёмные. Думаю, это будет выглядеть, как два огромных нароста спереди и сзади корабля. Поскольку полагаться в таком дальнем странствии на необъезженную технологию странно, уверен, этот корабль будет оснащён ещё и стандартным импульсно-ионным двигателем.

– Должно быть, это будет довольно странная конструкция, – согласился физик.

– Неважно, – продолжил геолог. – Я вот о чём: если мы подлетим на расстояние визуального контакта, вы же сможете определить, есть ли на «Осирисе» такие двигатели?

– Думаю, что смогу, – уверенно ответил капитан.

– Равно как сможем понять, есть ли они на втором корабле?

– Если там присутствует второй корабль, мы вообще не станем приближаться, – чётко обозначил свою позицию Сопкин.

– Ну, так в чём же проблема? – развел руками геолог. – Подберёмся поближе, убедимся в собственной безопасности и только тогда решим, что нам делать дальше.

– Мысль интересная, – задумчиво протянул капитан, – но есть одна загвоздка.

– Какая? – все синхронно посмотрели на него.

– У нас на борту есть только импульсно-ионные двигатели, а они малотяговитые. То есть мы можем разогнаться на них до 15 процентов от скорости света, тем и живём, но сделаем мы это не сию секунду. На разгон потребуется время. Много времени.

– Ну так и им потребуется время, не так ли?

– Тоже верно.

– Капитан, для разгона мы можем попробовать маневровые двигатели, – предложил старпом, не отрываясь от экрана монитора.

Сопкин покачал головой.

– Не выйдет. У нас масса слишком большая, они нас не разгонят.

– А если использовать тягу буровой платформы? – внезапно предложил Медведев. Его идею тут же подхватил Балычев.

– Точно! В них же дури до чёрта! Они предназначены для долгого удержания платформы на весу в условиях притяжения целых планет! Наш малыш точно справится!

Капитан задумался. И действительно, способ бурения заключался в том, что с орбиты вниз к планете или планетоиду платформа спускалась самостоятельно. Затем она занимала нужную позицию и в таком положении висела неподвижно часами, используя лишь реактивную тягу. Тратилось при этом куча топлива, но оно того стоило. За это время рудовоз занимал над планетой геостационарную орбиту, а платформа оказывалась между поверхностью и рудовозом. Затем к ней с рудовоза выстреливался сверхпрочный трос, которым платформа и фиксировалась. На земле по схожей схеме строились космические лифты.

– Что ж, идея интересная, – вынес наконец вердикт капитан. – Кто за?

Руки подняли все члены экипажа.

– Ну, тогда за дело. При текущей скорости мы увидим «Осирис-3» через час. Пока можете заняться своими делами.

Минут через сорок все вновь собрались на мостике, ждать особого приглашения никто не пожелал. Интрига витала в воздухе. Цел ли «Осирис-3»? Оснащён он гравидвигателем или нет? И есть ли поблизости чужой корабль? В ближайшие минуты на все эти вопросы будут получены чёткие ответы.

Капитан стоял рядом с пилотами, все трое пристально вглядывались в экран, на котором была видна расплывчатая светлая точка. Минут через пять точка вытянулась в сигарообразный предмет, а ещё через десять минут капитан произнёс:

- Есть визуальный контакт. Это определенно «Осирис-3». Прощупай-ка его, Серёга.
- Уже. На позывные не отвечает.
- Корабль должен быть без экипажа. Это автономная миссия, там всем рулит ИИ.
- То есть они послали к другим мирам пустой корабль? – удивилась Валерия Мирская.
- Для начала нужно эти миры найти, изучить, прощупать, и только потом уже посылать человека к чёрту на рога, – пояснил физик. – С этим и компьютер справится.
- Что на сканере? – спросил Сопкин.
- Пусто, капитан, – доложила Алла Марр. – Корабль излучает электромагнитное поле, но оно слишком слабое. Двигатели заглушены.
- А реактор? – влез физик.
- Реактор работает. Режим, скорее всего, спящий. Но он определённо не заглушен.
- Других кораблей поблизости не видно? – взволнованно спросил геолог.
- Если там кто и есть, он скрыт корпусом «Осириса», – сказал Вершинин, пристально вглядываясь в экран монитора. – На радарх пусто. Только один корабль.
- Продолжаем сближение, – скомандовал капитан. – Двигатели платформы в режим готовности.
- Есть, капитан. Я в любой момент могу запустить их.

Рука первого пилота потянулась к нужному тумблеру, пальцы замерли над ним. «Марк-10» продолжал сближение, «Осирис» на экране рос на глазах. Вот уже стали видны рубка и овальные отсеки-модули. Позади корабля отчетливо выступали мощные двигатели. Центральный отсек с обитаемыми модулями не вращался.

- Он неподвижен, – тихо сказал Вершинин. – На борту не будет гравитации.
- И я не вижу ничего, что можно было бы принять за гравидвигатели, – добавил Сопкин. – Что бы там ни было с этой гравитационной аномалией, её вызвал не «Осирис».
- Капитан, – громко произнес Вершинин, – десять километров.
- Кто-то из экипажа присвистнул.
- Это каких же он размеров, если до него десять километров, а он уже выглядит, как Эверест? – восхитился Балычев.

– Это исследовательское судно с кучей оборудования на борту, – пояснил Сопкин. – Корабли класса «Осирис» действительно огромные, но до Эвереста он всё же не дотягивает. Полтора километра в длину и пять сотен метров в ширину, высота рубки триста восемьдесят метров.

- На беременную каракатицу похож, – заметил Балычев. Реплику пропустили мимо ушей.
- Пять километров.
- Давай тормозные.

Рудовоз мелко завибрировал, где-то в недрах корабля зашипели системы подачи топлива. Все почувствовали лёгкую перегрузку.

- Мягче, ещё мягче, – шептал капитан, – всё, тормози.
- Корабль словно уткнулся в желе, затем последовал мягкий толчок, и наконец всё стихло. Вершинин доложил:

– До цели тысяча метров. Мы легли в дрейф. Маневровые поддерживают заданное расстояние.

По мостику прокатились аплодисменты и радостные возгласы одобрения. Пилоты работали отлично.

- Приступить к визуальному осмотру «Осириса-3», – скомандовал капитан, не сдерживая улыбку. – Подготовить систему дальней связи. Там на Земле уже заждались, наверное.

Овации стихли. Все члены экипажа взволнованно разглядывали картинку на мониторе.

– Капитан, – обратился к Сопкину старпом, – мы довольно далеко от Солнца. Анализ показывает, что радиационный фон в пределах допустимых значений.

– И что?

– Мы можем открыть защитные экраны. Светофильтры потянут нагрузку.

– Что ж, давай. Вглянем на него вживую.

Вершинин вызвал меню управления и ввёл несколько команд. Корпус корабля опять завибрировал, защитные экраны разъехались в стороны, открывая экипажу поразительную картину. В пространстве меж звёзд в лучах прожекторов старого, потрёпанного временем и тяжёлой работой «Марка-10» сиял корпус огромного межзвёздного корабля.

– Поразительно! – прошептала в изумлении Алла Марр.

– Уму непостижимо, – согласилась с ней Валерия Мирская. – Два корабля с одной планеты зависли в межзвёздном пространстве в двух световых годах от родины.

– Это даже звучит, как фантастика, – поддержал девушек Медведев.

– Ага, как порнотриллер! – изгадил момент Балычев.

– Фу, придурок! – выругалась Алла Марр, косо поглядывая на довольную физиономию бурильщика.

– Ладно, друзья, – прервал минутку изумления капитан. – Собачиться потом будем, сейчас нужно поработать. Давай-ка, Сережа, аккуратно облетим этого здоровяка кругом. Я что-то видимых повреждений на корпусе не углядел.

– Может, на платформе облетим его? – предложил Медведев. – Я бы смог. Зачем весь корабль гонять?

– Ага, умник, а если с тобой там что случится?

– Полечу один – случится только со мной, капитан. А так, если что, мы все встрянем.

– Капитан, Медведь дело говорит, – вступился Вершинин. – Рисковать целым кораблём незачем.

Сопкин с укором поглядел на первого пилота.

– Ладно, этот дурень ляпнул. Ты-то чего лезешь? У «Марка» силовые поля есть, у платформы нет. Ты вот скажи, что там за гравитационная аномалия была?

Вершинин пожал плечами.

– Не знаю.

– Не знаю... – передразнил его Сопкин. – Вот и я не знаю. Выпустишь платформу, расплющит её там, что будешь делать? То-то же. Врубим на полную силовое поле, перенаправим его на нос и медленно облетим по кругу. И ничего рудовозу не будет.

– Я раньше такого не делал, кэп.

– Ай, – махнул рукой Сопкин, – встань, я сам сделаю.

Глава 3

Капитан занял освободившееся кресло первого пилота и принял управление рудовозом на себя.

– Алла, подстрахуй.

– Есть, капитан.

Девушка вызвала второй штурвал из приборной панели и взялась за рычаги.

– Готова?

Второй пилот кивнула.

– Поехали. Давай тягу. Так, чувствую. Пошло дело.

Корабль медленно тронулся боком, словно краб, огибающий препятствие на морском дне. Корпус «Осириса» проплывал перед смотровым окном. Затем «Марк-10» начал закладывать медленный вираж вокруг носа огромного корабля. Округлые защитные щитки на смотровых окнах величественного гиганта были чёрного цвета и действительно выглядели, как глаза огромного морского чудища. Кроме того, на носу «Осириса» были выпущены два огромных манипулятора, что придавало кораблю ещё большее сходство с каракатицей.

– Визуальный осмотр правого борта и носа корабля видимых повреждений не выявил, – спокойно комментировал свои действия капитан. – Продолжаем облёт.

«Марк-10» медленно вывалился с левого борта «Осириса» и направился к его корме.

– Я так и не понял, чего это капитан заглобил тебе манипулятор, – прошептал на ухо Медведеву Балычев.

– А чего тут непонятного? – так же шепотом ответил Виктор. – Платформа стоит безумных денег, весь «Марк» столько не стоит.

– И чего ему с этого?

Медведев пожал плечами.

– Некоторые капитаны выкупают старенькие платформы, чтобы после выхода на пенсию работать на себя. Кто его знает, может, Сопкин после рейса планирует свою фирму открыть, вот и бережет дорогую игрушку.

– Нам так не жить.

Медведев неопределённо пожал плечами. Между тем рудовоз уже закончил облёт левого борта «Осириса» и закладывал вираж для оценки кормы звездолёта.

– Визуальный осмотр левого борта «Осириса» видимых повреждений...

Внезапный толчок заставил всех стоящих позади капитана людей потерять равновесие. Зажглось аварийное освещение, переборки с шипением захлопнулись, взревел сигнал тревоги. Корпус «Марка-10» пронзительно застонал, вибрация нарастала.

Перепуганный экипаж не спешил вставать, все прижались к полу, переглядываясь между собой.

– А, чтоб тебя! – выругался Сопкин, пытаясь удержать корабль. – Показатели?!

– Повреждены пятый и шестой отсеки! – быстро доложила Алла Марр, перебирая пальцами огромные красные строки системных оповещений, всплывающих у неё перед глазами. – Разгерметизация пятого и шестого отсеков, капитан, мы теряем O₂! Пожар в реакторном отсеке! Резкое падение давления!

– Заткнись, заткнись, заткнись! – орал Балычев, держась руками за уши.

Испуганный Медведев не сразу понял, что именно Балычеву не нравилось – то, что второй пилот перечисляла слишком много критических повреждений, или то, что пронзительный сигнал тревоги вырывал из его головы последние молекулы мужества. У Виктора и у самого отнялись от страха ноги. Взглянуть на остальных он боялся – боялся увидеть в их глазах отражение своего ужаса. Он догадывался, что в той ситуации, в которой они сейчас ока-

зались, мысли у всех будут схожими. Два световых года до Земли. Два, мать его, световых года! Почему-то промелькнула мысль: «Все ли были на мостике в момент крушения? Может, кому-то повезло, и он находился в одном из поврежденных отсеков? Какая же прекрасная смерть! Быстрое удушье, вскипание крови из-за разницы в давлении, бесконечный холод и всё – смерть». Остальным «счастливчикам» придётся слушать эту дуру Алку с её ублюдскими докладами о критических повреждениях.

Сознание вновь вернуло Медведеву способность понимать происходящее.

– Крен на левый борт! Нас закрутило!

– Вижу, не слепой! – проорал капитан, отчаянно пытаясь удержать корабль в нормальном положении.

Внезапно отрубилась магнитная система притяжения, имитирующая гравитацию на мостике. Предметы, не зафиксированные на своих местах, синхронно взмыли в воздух. Люди, до этого момента безропотно принимавшие свою судьбу, прижавшись к полу мостика, отчаянно хватались кто за что мог. Балычев вцепился пальцами в мелкоячеистую сетку пола, он все ещё умолял Аллу Марр заткнуться, но уже без огонька, а как-то вяло, словно из него выпустили весь воздух, а вдохнуть новый он забыл.

Медведев ни за что зацепиться не смог и взмыл над мостиком, беспомощно размахивая руками. От этого он начал беспорядочно кувыркаться в воздухе, мир вокруг медленно проворачивался перед его глазами. Виктор не сразу сообразил, что это не он, а «Марк» проворачивается вокруг собственной оси. По мере потери воздуха из отсеков рудовоз всё сильнее закручивался. Капитан пытался выровнять машину, но пока ничего не получалось.

Стараясь унять тошноту, подкатившую к горлу то ли от невесомости, то ли от страха, Медведев не оставлял попыток зацепиться руками хоть за что-нибудь. Вдруг он почувствовал, как его здоровенная ладонь воткнулась во что-то мягкое, а позади раздался чей-то сдавленный выдох – кажется, это была Валерия. Извернулся и увидел отлетающую от него девушку-медика. Была ли она без сознания до удара или же Виктор только сейчас её оглушил, было непонятно, да он и не пытался разобраться. Это столкновение придало его телу импульс, и он оказался возле потолка. Ухватиться там было решительно не за что, и Виктор решил на отчаянный шаг. Упершись ногами в полоток, он прицелился и выстрелил своим телом в направлении Валерии, беспомощно бьющейся сейчас затылком о пол мостика. Мужчина быстро перелетел пространство и смог прижать своим телом безвольное тело медика. Руками он ухватился за ячеистый пол, следуя примеру Балычева.

Теперь можно было и оглядеться. Как ни странно, но в кабине пилотов больше никого не оказалось – только он, Валерия, Балычев, капитан и оба пилота. Его друг Сергей Вершинин умудрился зацепиться за пилотские ложементы и пытался помочь капитану выровнять судно. Только стоял он не на полу, а на потолке. Выглядело забавно, но Медведев даже улыбнуться не успел. В этот самый момент вращение замедлилось, и его вновь замутило. Ещё мгновение, и он блеванёт прямо в лицо Валерии. Как хорошо, что секундой ранее он её вырубил.

От неминуемого опорожнения желудка Виктора спасла внезапно вернувшаяся гравитация. Он всей своей массой навалился на девушку-медика и чуть было не сломал себе пальцы, всё ещё находившиеся в мелких ячейках пола. От такой перегрузки Валерия очнулась и попыталась спихнуть с себя тяжелого Медведева, но тот не спешил отпускать решётку.

– Я тронута твоим порывом, Витя, но ты не мог бы... – она кряхтела, пытаясь высвободить из-под груди Медведева руку и сделать глоток воздуха.

– Ой, да, извини, – Виктор напряг мышцы и слегка приподнял тело над полом, но из объятий Валерию не выпустил.

– И? – девушка наградила Виктора выразительным взглядом.

Медведев огляделся. Только сейчас он понял, что в отсеке отключилось аварийное освещение и заткнулась наконец-то сирена.

- Я тебя, кажется, это... ударил... – замялся Виктор.
- Давай ты меня отпустишь, а то я описаюсь сейчас, и будем считать, что мы квиты.
- А вдруг того, гравитация, опять, это... – от страха у Виктора не получалось говорить связно. На выручку Валерии подоспел доклад Аллы Марр.
- Ориентировка в норме. Давление в норме. Питание в норме. Отсеки герметичны.
- Вот видишь, – кивнула в сторону пилотов Валерия, – там у них всё в норме.
- Виктор усилием воли разжал пальцы и выпустил пленницу из своих объятий. Девушка встала, держась за голову.
- Что это было? – спросила она, подходя к пилотам.
- Не знаю, – капитан был блее снега и затравленно озирался по сторонам. – Кажется, на что-то налетели.
- На что? – это уже спросила Алла Марр. – Я просматривала все камеры. Там ничего не было. Мы просто парили вокруг «Осируса».
- Может, астероид? – предположил Медведев. Он уже пришел в себя и, в отличие от Балычева, который предпочёл остаться на полу, даже встал.
- Вершинин покачал головой.
- Не мог это быть астероид. Оповещение сработало бы, плюс у нас отличные щиты.
- Ну, как выяснилось, не такие уж и отличные, – Виктор указал на последние два отсека корабля, мигающие красным. Схема, парящая перед пилотами, выводила визуализацию повреждений.
- Повреждены шлюзовой и реакторный отсеки, – голос Аллы Марр прозвучал, как приговор.
- Что с питанием? – спросил Сопкин.
- Перешли на резервное.
- Реактор?
- Произошел аварийный сброс стержней.
- По спине у Медведева пробежал холодок.
- Это что, мы остались без атомного реактора в двух световых годах полёта от Земли? – спросил он.
- Ты всё слышал, – тихо ответила Алла. – Давайте выясним, что с остальными.
- На связь никто не выходил. Системы корабля фиксировали присутствие живых людей в реакторном и техническом отсеках, но на все попытки связаться с уцелевшими членами экипажа селектор отвечал молчанием.
- Проверь капсулы, – посоветовал Вершинин.
- Алла вывела на экран данные о состоянии имеющихся на борту капсул.
- Точно! – радостно сказала она. – Они все живы и лежат в спасательных капсулах.
- Где именно? – спросил Сопкин.
- Заняты три капсулы – одна в реакторном отсеке и две в техническом.
- Ты можешь с ними связаться?
- Попробую, но связь будет односторонняя. Готово. Они должны вас слышать, капитан.
- Сопкин наклонился к приборной панели и громко произнес:
- Всему экипажу! Ситуация стабилизирована. Не покидать корабль. Повторяю. Корабль на капсулах не покидать!
- Решение капитана все поняли правильно. Корабль был всё ещё в строю, а в случае экстренной эвакуации люди в капсулах были обречены затеряться в космосе навсегда.
- Так, – собрался с мыслями Сопкин, – что у нас с повреждениями?
- Давление стабилизировано, капитан, – отрапортовала Алла Марр. – Дроны-ремонтники, очевидно, подлатали дыры.
- Что произошло? – просипел откуда-то из угла Балычев.

- Позже, – отмахнулся капитан. – Когда можно разблокировать отсеки?
- Композитная пена застывает за пару часов, думаю, автоматика...
- Что (непечатно) тут произошло? – заорал на капитана Балычев.

Сопкин резко поднялся с кресла и подошел к лежащему на полу оператору буровой установки.

– Отставить панику! – грозно рявкнул он. – Откуда мне знать, что произошло? Я находился здесь, с вами, и видел всё то же, что и вы! Сперва нужно выручить ребят, а с причинами будем разбираться после.

За Балычева говорил страх, все понимали это. Это был его первый дальний полёт, а настолько дальних так и вообще никто и никогда не совершал. И тем не менее Медведева покорбило это малодушие коллеги. Как ни крути, но на борту «Марка-10» собрались профессионалы. Капитан и пилоты действовали слаженно и чётко. Кризисная ситуация была преодолена в кратчайшие сроки. Даже Валерия вела себя более мужественно, хоть и получила от Виктора знатную оплеуху.

Балычев почувствовал на себе взгляды товарищей и понуро опустил голову.

Алла Марр продолжила:

- Автоматика должна разблокировать отсеки часа через два.

Капитан вернулся в кресло первого пилота.

– Давай в таком случае проведём полную диагностику корабля. Мне нужно знать обо всех критических повреждениях – это раз. В первую очередь проверь груз. Что с дальней связью – это два. Что с реактором – три. И сколько у нас энергии – четыре.

Двери переборок открылись сами спустя сорок минут. Алла, очевидно, перестраховывалась в своих прогнозах. Первым делом капитан и пилоты провели визуальный осмотр повреждённых отсеков. Валерия и Медведев тем временем освободили из плена герметичных спасательных капсул остальных членов экипажа.

В капсулах технического отсека находились инженер Корнеев и геолог Васильев, физика Ильина вызволили из капсулы в реакторном отсеке. Бледные и перепуганные, они первым делом подверглись осмотру медика. Остальных Валерия осмотрела ещё на мостике.

Завершив ревизию корабля, пилоты и капитан вернулись в жилой отсек и порадовали всех хорошими новостями.

– Все пробоины герметично заделаны. На данный момент угрозы разгерметизации корабля нет.

- Что с реактором? – первым делом спросил Ильин.

– Это я у тебя должен спросить, – ответил капитан, – в момент взрыва ты был в реакторном отсеке.

– Да, ублюдок, – взорвался Балычев, словно ждал этого момента с самого крушения, – что ты там натворил?

И без того бледный физик побелел ещё сильнее.

– Ничего! Я ничего не натворил! Я услышал какой-то треск, завывли сирены, и я тут же прыгнул в аварийную капсулу, как это предписывает регламент на случай ЧС.

- А что ты вообще там делал? – не сдавался Балычев.

– Работал! – физик, похоже, успел взять себя в руки и оправиться от первого натиска. – Проверял работу реактора. Запускал алгоритмы проверок. Я, вашу мать, делал свою работу!

– Так, успокоились оба! – вмешался в перепалку капитан. – Владимир Иванович, вас никто ни в чём не обвиняет, нам просто нужно понять, что произошло. Вы были у реактора, когда всё это случилось. Так?

- Так.

- Отлично. В каком состоянии был реактор на тот момент?

– Всё было нормально. Всё работало в штатном режиме. Эти реакторы очень, очень надёжны!

– И тем не менее что-то произошло. Почему реактор выбросил стержни?

Лицо физика исказилось. Он буквально позеленел на глазах.

– То есть как – выбросил?

– Как при утрате стабильности термоядерной реакции. Взял и выбросил их в открытый космос. Вы же знаете, что так случается с реакторами данной модели.

– Но так случается лишь при одном варианте – если есть угроза расплавления ядра... Или...

– Или?

Физик уставился в одну точку:

– Или если компьютер посчитает повреждения корабля критическими.

– К сожалению, так оно и было. У нас пробойны в шлюзовом и реакторном отсеках. Чудо, что вам удалось попасть в капсулу.

– Да он уже там лежал! – не унимался Балычев. – Это он всё подстроил!

– Да заткнись уже, Андрей! – не выдержала Алла Марр. – Зачем ему это? Повредить корабль или реактор в двух световых годах от дома? Ты совсем рехнулся? Кто вообще на такое пойдёт?

– Я... я клянусь, – начал заикаться физик, – я ничего не делал! Клянусь вам! Да как вообще можно такое подумать?

– Но что-то же произошло, когда вы были в реакторном отсеке, – спокойно сказал Сопкин. – Нам нужно понять, что именно.

– Я уже сказал: я проводил диагностику, потом скрежет, хлопок, сирена. Я испугался и прыгнул в первую открытую капсулу. Всё! Это правда всё!

– Что за скрежет? – уцепился за слова физика Медведев.

– Н-не знаю... Просто звук такой, словно по металлу что-то скребётся, а потом хлопок – и всё...

– Успокойтесь, Владимир Иванович. Мы верим вам, – капитан похлопал физика по плечу и встал.

– Скрежет... – вслух произнес Медведев. – Что ещё за скрежет?

– Может, все-таки метеорит? – пожала плечами Алла Марр.

– Да не было сигнала о метеоритах, – повторил Вершинин. – И потом – у нас поле.

– Поле было перенаправлено на нос корабля, – напомнил капитан.

– Да, но не на все сто процентов. Всегда двадцать процентов поля остаётся на остальную часть корпуса, это базовые настройки системы безопасности любого транспортника как раз на случай неожиданного метеоритного дождя.

– А каким должен быть метеорит, чтобы пробить силовое поле в двадцать процентов? – уточнил Медведев.

– Метров пять в диаметре, – уверенно сказала Алла Марр. – И лететь он должен при этом очень и очень быстро.

– Значит, это был не метеорит, – подвёл итог Вершинин. – Но тогда что?

– Да какая разница? – не выдержала Валерия. – У нас нет стержней в реакторе, а значит, и ядра нет. Они же вместе выбрасываться должны, я правильно понимаю?

Физик закивал головой.

– Они вместе отстреливаются. Блоком. Сейчас они уже в сотнях километров от нас. Даже если и произойдет взрыв, мы его, скорее всего, не увидим.

– Получается, мы остались без энергии? – сделала вывод Валерия.

Ответила Алла Марр:

– Да. У нас остались лишь пара РИТЭГов и аккумуляторы, заряженные на восемьдесят девять процентов.

– Так, – поднял руки Медведев, – я сейчас не понял, это много или мало? Сколько мы протянем?

Алла помолчала. Было видно, что она уже всё посчитала. Лицо её оставалось безучастным, но глаза... Глаза выдавали страх.

– Если немедленно ляжем в капсулы, два года.

– Звездец! – выдохнул Балычев и сел на корточки, обхватив руками голову. – А если не ляжем?

– Максимум месяц.

В отсеке зазвенела тишина. Из всех словно выжали воздух, а вдохнуть никто не решался.

– Кислород, – тихо сказала Алла. – Мы попросту задохнёмся. Воды и еды у нас много, но кислород вырабатывается путем электролиза из воды. При текущем расходе батареи выдохнутся уже через неделю.

– Хорошо, – постаралась взять себя в руки Валерия. – А если послать сигнал бедствия на Землю и лечь в капсулы?

– Ничего не выйдет, – сухо ответил капитан.

Все уставились на него. Сопкин помолчал немного и пояснил:

– Сигнал можно послать только по системе дальней связи, а это очень энергозатратно, мы израсходуем больше половины энергии.

– И что? Это хоть какой-то шанс! – попытался ухватиться за соломинку Медведев.

– Им до нас лететь почти четырнадцать лет. На самом быстром корабле. Если они стартуют немедленно, – сказал капитан, и каждая из этих фраз звучала так, словно он заколачивал гвоздями крышку их общего гроба.

Глава 4

– Что мы имеем в сухом остатке? – тихо спросил физик пустоту. Он лежал на диванчике в кают-компании. Глаза Ильин не открывал – не хотел ни с кем встречаться взглядами. И желание это было взаимным, люди пребывали в шоке и старались друг на друга не смотреть.

Ему ответила Алла Марр. Похоже, второй пилот была единственным человеком на борту, сохранившим самообладание. Все остальные сейчас больше походили на группу детского сада, из которой внезапно пропали все взрослые воспитатели. Обречённые люди сидели в жилом отсеке и боялись лишний раз пошевелиться. Они словно ждали, что вот-вот придёт нянечка, улыбнётся и предложит им другую игру, не такую страшную. Эту роль могла бы примерить на себя Алла Марр, если бы знала, что делать.

– Мы в двух световых годах от дома, – спокойно произнесла она. – Без реактора, а значит, обездвижены. На предельной скорости до нас лететь около пятнадцати лет. Запасов энергии хватит, чтобы протянуть в капсулах два года, и это если не посылать сигнал бедствия. А если послать, то в капсулы вообще не имеет смысла укладываться. По сути, это будет массовый суицид.

– То есть попытка связаться с Землей, – уточнил физик, – сводится для нас, в общем-то, к одному – к просьбе забрать наши тела?

Ответа не последовало.

– Если откровенно, – сказал Вершинин, – нам и это не удастся. Компьютер не позволит потратить последние ресурсы на сеанс дальней связи.

– А обойти протоколы защиты нельзя? – удивился Ильин.

– Можно, если выйти в открытый космос и подключить ретранслятор напрямую. Но толку-то?

Опять повисла гнетущая тишина, и в этот раз она длилась беспардонно долго. Время высасывало из людей все эмоции – любовь, радость, смех, гнев, грусть, отрицание, принятие... Экипаж «Марка-10», мягко говоря, пребывал в шоковом состоянии.

– Нет, господа, – не выдержал физик, – мы хороним себя преждевременно. Из любой ситуации есть выход. Нужно говорить, нужно начать делать хоть что-нибудь.

– Что? – тяжело выдохнул капитан Сопкин. – Мы в западне. И я... – его голос дрожал, тревожные пальцы теребили воротник, – я хотел сказать... Должен сказать, это я всех подвёл.

– Ой, ради всего святого, капитан, бросьте это самобичевание! – воскликнула Алла Марр. – Мы тут все хороши. По сути, мы все голосовали за это маленькое путешествие. Все поддались алчности.

– Не все, – угрюмо буркнул физик.

– Да, Владимир Иванович, извините, забыла – только вы у нас святым оказались.

– Богатым, а не святым, – поправил второго пилота Балычев.

– Только вот не нужно тыкать мне моим положением в обществе! – взвился Ильин. – Я не виноват, что обладаю внушительным счётом в банке. Я не виноват, что за мои открытия государство щедро мне платило. Я работал, господа. Долго и усердно работал, чтобы у меня было всё.

– И как вам это «всё» сейчас поможет? – презрительно фыркнул Балычев. – Имея, как вы изволили выразиться, «всё», вы делите этот саркофаг с нами, работягами и быдлом.

– Говори за себя, – зашипела на Балычева Валерия Мирская.

– Ой, да, извините, пожалуйста, забыл, что у нас на борту ещё есть недотрога голубых кровей. К слову, не забудь... те, что задохнешься ты здесь, дыша тем же воздухом, что и все.

– Андрей, действительно, заткнись, – Медведев посмотрел на всё больше распаляющегося Балычева тоскливым безучастным взглядом. Тот расценил этот взгляд как слабость.

– А то что? Ну что, Витя? Убьёшь меня?

– Нет, мужики, ну вы сейчас серьезно? – между двумя операторами встал Денис Корнеев. – Мы ещё не испытываем гипоксии, чтобы списать всё на неё. Вы ведёте себя непрофессионально. Да, есть проблема. Она очень серьезная. Но у нас на борту есть квалифицированные люди, способные к рациональному анализу ситуации.

– Да нет у нас ничего и никого! – злобно сверкнув в сторону инженера глазами, сказал Балычев. – Нет у нас ни времени, ни воздуха, ни шансов. И людей адекватных тоже нет. Кто тут может встать и сказать, что знает наперёд, как выбраться из этой задницы? Молчите? То-то же. Все эти хваленые физики, геологи, пилоты... Или, может, ты, электрик-самоучка, знаешь, что нам делать? Или ты, медичка?

Валерия Мирская смотрела на Балычева, уже не скрывая своего презрения. Обстановка накалялась. Боясь потерять контроль над ситуацией, капитан всё же встал и сурово посмотрел на Балычева.

– Сядь, Андрей. Сядь и замолчи.

– Или что?

– Или мне действительно придётся заткнуть твой поганый рот. Я на этом судне всё ещё капитан.

– А, ну если вы капитан, то, СЭР, может, расскажете своим подчинённым о том, что планируете делать?

Тем не менее Балычев капитана послушал. Смачно сплюнув на пол, он уселся на кресло в дальнем конце кают-компания, всем своим видом демонстрируя презрение к окружающим. Неожиданно для всех в центр помещения вышел геолог Васильев. Маленький, полноватый, с залысинкой, покрытой мелкими капельками пота, он выглядел сейчас так, словно вот-вот расплачется. Трясущейся рукой он выудил из нагрудного кармана платочек и вытер пот со лба и головы.

– Д-друзья... – дрожащим от волнения голосом заговорил геолог. – М-мы все оказались в непростой ситуации – это правда. И правда то, что сказал наш дорогой к-коллега, – Васильев выразительно поглядел в сторону Балычева, но, поймав его ненавидящий взгляд, поспешил отвести глаза в сторону. – У нас д-действительно нет времени, нет р-реактора, а скоро не будет и к-кислорода. Если рассматривать ситуацию под таким углом, то у нас действительно нет никаких шансов.

– Это мы и без вас знаем, – сказал Вершинин. – Не тратьте понапрасну нервы, Кирилл Сергеевич. Есть что сказать – говорите.

– Я подумал, что мы будем решать проблему куда эффективнее, если не станем заикливаться на том, чего у нас нет, – сказал геолог. – Нам сейчас в первую очередь нужно сосредоточиться на том, что у нас есть. Разве не так?

– И что, по-вашему, мы не учли? – Алла Марр задала вопрос каким-то странным, почти заинтересованным тоном.

– Я, я н-не знаю, – опять разволновался геолог, поймав на себе взгляды пилотов и капитана. – Ну, д-для начала давайте осознаем, что в этом отсеке собрались умные и м-мужественные люди. К-каждый из вас имеет за плечами не один световой год космических путешествий. Мы все должны сейчас напрячь мозги и подумать над тем, что у нас есть.

– Ну, у нас есть достаточно энергии, чтобы протянуть пару лет, – вновь озвучила расклад Алла Марр.

– Вы ещё говорили, что этой энергии хватит, чтобы послать сигнал бедствия.

– И погибнуть ещё раньше, – спокойно ответила Алла.

– Но это уже выбор! – сказал геолог. – Да, он странный, да, это выбор из двух зол, но тем не менее у нас уже есть из чего выбирать. Идём дальше. У нас есть воздух, вода и пища.

– Они нам не сильно помогут без нужного количества энергии, – включился в разговор капитан.

– Значит, нам нужно подумать, где взять энергию.

Физик Ильин развел руками и тоже присоединился к обсуждению:

– Без атомного реактора нам энергию не получить. Солнечные батареи на таком удалении от солнца бесполезны. А РИТЭГи вырабатывают слишком мало энергии, на гидролиз её не хватит. Нет реактора – нет других источников генерации энергии.

– Стойте... – внезапно поднял голову электрик и посмотрел на Валерию. – Обратить внимание на то, что у нас есть... А ведь у нас есть реактор!

Все уставились на Дениса, и тот, улыбаясь, пояснил:

– Ну как же? Это же очевидно. Мы летели сюда, чтобы понять, цел ли этот долбаный «Осирис»? И что мы выяснили до того, как произошла катастрофа?

У Сопкина округлились глаза.

– А ведь он прав. Прав, чёрт побери! У нас под боком целёхонький звездолёт! «Осирис-3» цел!

– А на его борту есть... – почти шёпотом произнес физик Ильин.

– Реактор, – закончила за него Алла Марр.

Секунду все молчали, глядя друг на друга, а затем посыпался шквал вопросов и предложений. Каждый пытался предложить свой вариант решения проблемы. Градус возбуждения в кают-компании поднялся настолько, что капитану пришлось успокаивать команду грозными окриками.

– Тихо! Тихо, я сказал! – только когда все уселись по своим местам, капитан начал размышлять вслух. – Да, у нас под боком действительно есть корабль, причём потенциально в рабочем состоянии. Вопрос в том, как нам туда попасть?

– А что нам, собственно, мешает? – не понял Медведев. – Выйдем через шлюз, воспользуемся платформой или реактивными ранцами и доберёмся до «Осириса».

– И наткнёмся на закрытую дверь их шлюза, – закончил капитан. – Ты же не думал, что на борт звездолёта можно попасть просто так? Любой космический аппарат оснащён системами безопасности. Я уже молчу про звездолёт, построенный для поиска и изучения экзопланет.

– Наверняка у них есть системы на подобный случай, – не сдавался Медведев. – Ну, чтобы в случае ЧП или чего-то в этом роде внутрь могли попасть спасатели.

– Наверняка есть, но без технической документации «Осириса» нам туда не пробиться, – уверенно ответил капитан.

– А где можно раздобыть эту документацию? – спросила Валерия Мирская.

– Только на Земле, у собственника. Собственно, мы можем... – капитан начал было фразу, но сам её испугался.

Алла Марр, словно прочитав мысли командира, закончила идею за него:

– Мы можем потратить остатки энергии на то, чтобы послать сигнал бедствия и запросить с Земли всю необходимую техническую документацию.

– Вопрос лишь в том, – подхватил разговор Вершинин, – дадут ли нам необходимые данные. Корабль-то секретный.

– Но у нас и ситуация нетривиальная, – тихо, словно договариваясь сам с собой, сказал капитан. – Это может сработать.

– Может, не может, – сказал Медведев, – у нас всё равно нет выбора. Нам нужно попытаться!

– Но если они не передадут нам эти данные, – как всегда спокойно парировала Алла Марр, – даже если просто задержатся с ответом, мы все умрём в самый короткий срок. И никаких двух лет в капсулах.

Мрачная перспектива пугала. Экипаж замолчал, и в кают-компании вновь повисла тишина. На этот раз её нарушил Балычев.

– Думаю, никому здесь не улыбается ждать смерти долго, – довольно спокойным тоном сказал он. – Если нам суждено тут сдохнуть, я бы предпочел, чтобы это произошло как можно быстрее.

– Тут, кстати, я с Андреем солидарен, – сказал Вершинин.

– И я, – отозвалась Алла Марр.

Руки подняли Медведев и Мирская:

– И мы.

– Да, для нас всех это будет лучшим исходом, господа, – сделал вывод капитан Сопкин. – В таком случае нам стоит подумать над тем, как передать на Землю сигнал бедствия в обход защитных систем «Марка-10».

Решение нашлось быстро, предложил его инженер Корнеев.

– Нам нужно выйти в открытый космос и вручную перенаправить энергию с батарей на ЧСДВ.

Уже успокоившийся Балычев переспросил:

– ЧСДВ? Я думал, мы должны пустить всю энергию на радиопередачу.

Корнеев пояснил.

– Мы в двух световых годах от планеты.

– Не понимаю, это тут причём?

– Что такое световой год? Почему люди стали измерять расстояния между звёздами именно в этой величине?

Балычев развел руками. Чувство было таким, словно он вновь на экзамене и его вот-вот вышвырнут из училища. Тем не менее он робко ответил:

– Расстояние в световой год – это такое расстояние, которое свет преодолевает за один год.

– Именно поэтому мы не можем послать сигнал обычными способами. Радиосигнал – это волна, и добираться до земли она будет несколько лет. Даже если мы используем лазерную передачу, это займет те же два года, поскольку скорость лазерного пучка равна скорости света.

– Но как мы тогда...

– Я же говорю, ЧСДВ – частичная система дальней связи.

– Частичная? А что, целой системы на борту нет?

Денис улыбнулся, вместе с ним улыбнулись и пилоты. Капитан, очевидно, понял идею Корнеева и пояснил для всех остальных членов экипажа:

– Частичная – не значит не целая. Это от слова «частица». Принцип этой системы связи несколько иной. Основана она на феномене квантовой запутанности. Не хочу углубляться в дебри квантовой физики, но если простыми словами – у нас есть прибор и возможность повлиять на элементарную частицу в нём. Точно такой прибор есть на Земле, а в нём такая же частица – скажем, частица-близнец нашей частицы.

– И что нам это даёт? – удивился Балычев. – Наш прибор тут, а их прибор там.

– Андрей, ну ты и деревня! – похлопал по плечу оператора Корнеев. – В том и состоит уникальность квантовой запутанности. Все, что происходит с нашей частицей, происходит и с её близнецом на Земле в реальном времени, только со знаком минус. Наш прибор имеет несколько сотен таких частиц и способен зашифровать информацию. Прибор же на Земле улавливает изменение спинов и дешифрует послание.

– То есть у нас хорошие новости... – неуверенно протянул Балычев, косясь на Корнеева.

– То есть у нас есть возможность связаться с Землей и получить ответ незамедлительно.

– Отлично, Денис! – похвалил идею Сопкин. – Вот ты и займешься реализацией этого плана. Что нужно от нас?

– От вас, капитан, нужен текст послания. Небольшой, но ёмкий. Такой, чтобы там поняли, в какой мы жо... – Сопкин укоризненно посмотрел на молодого электрика, – ...беде. Вам нужно дать понять им, что мы реально в беде и нам нужны коды доступа к «Осирису-3». Техническая документация к кораблю, алгоритмы спасательных работ, системные команды для его ИИ. В общем, всё, что поможет нам в общении со звездолётом.

Капитан подумал и кивнул.

– Будет тебе ёмкое послание. Что ещё?

– Ещё мне нужен помощник там, за бортом, помощник тут, на корабле, и два скафандра.

Премьер-министр Никотин пребывал в прекрасном расположении духа. Лёжа в пассажирском кресле своего комфортабельного суборбитального самолёта, он наслаждался закатным солнцем и потягивал какой-то сладкий коктейль. День выдался не из легких, но зато оказался довольно продуктивным. Ему удалось-таки выбить деньги из международного космического агентства на спасательную миссию к «Осирису-3». Сейчас Никотин возвращался в Москву. Впереди его ждал длительный перелёт и срочное заседание правительства, на котором будет необходимо утрясти все организационные моменты.

Уже месяц как было известно, что «Осирис-3» цел и никуда не делся. Реджи Синаку, руководителю проекта, каким-то образом удалось перенастроить радиотелескоп возле Плутона и вычислить точные координаты пропавшего корабля. Как пояснил Реджи, им крупно повезло с текущей орбитой Плутона. Кроме того, к «Осирису-3» со дня на день должен был прибыть рудовоз, который правительству пришлось выкупить вместе с грузом у одной крупной корпорации восемь месяцев назад. Сам Никотин был против такого вмешательства гражданских лиц в полувоенный засекреченный проект, но Реджи Синак настоял на своём. Одно дело – телескоп, говорил он, а другое – визуальный контакт и осмотр. Как уж он убедил тогда советника президента по науке, осталось загадкой, но итогом его трудов стало то, что в процесс вмешался президент и, не сильно вникая в суть дела, дал добро на покупку рудовоза. «Марк-10» с дорогостоящим и опасным грузом на борту был послан на разведку к пропавшему кораблю, возле которого регулярно происходят гравитационные аномалии. Абсурд!

Как выяснилось, рудовоз был послан зря. Сейчас в его участии в спасательной миссии необходимости уже не было – всё, что нужно знать об «Осирисе-3», Синак узнал при помощи новейшего телескопа.

Размышляя о том, как объяснить экипажу «Марка-10» их вынужденный бессмысленный восьмимесячный полёт, Никотин позволил себе добавить в коктейль алкоголя. Придётся соврать, решил Никотин. Если сказать, что в их миссии уже особо никто и не нуждается, ребята не поймут. Вердикт оформился в голове премьера уже на третьем глотке: соврать и заплатить.

В кабинку постучали.

– Да, что у вас?

Дверь тихо отворилась, и в кабину заглянул личный помощник премьер-министра.

– Господин Никотин, до вас опять пытается дозвониться Реджи Синак.

– Скажи ему, что я завтра буду у него. Сегодня я уже выжат и не хочу ничего решать.

– Дмитрий Анатольевич, боюсь, он настаивает.

У Никотина округлились глаза. Разве у Реджи имеются полномочия, чтобы настаивать на беседе со вторым лицом государства?

– Просто дай отбой, пусть пришлёт всю информацию мне на инфоспейс. Перезвоню сам, как только ознакомлюсь.

– Сэр, кажется, он уже связался с...

В этот момент у премьер-министра во внутреннем кармане завибрировал голофон. «Как же я скучаю по встроенным системам связи», – подумал Никотин, хлопая себя по карманам.

К его великому сожалению, люди, находящиеся у власти, не имели права на импланты, приходилось пользоваться допотопными голофонами.

Отыскав наконец во внутреннем кармане пиджака прибор, Никотин оторопел: на связь пытался выйти президент. Бросив косой взгляд на время, Никотин ответил на звонок. Перед ним тут же повисли в воздухе две фигурки – одним был президент России, а вторым не кто иной, как Реджи Синак – руководитель проекта «Осирис». Происходило нечто странное. Что Реджи делает в резиденции президента?

Первым заговорил глава государства:

– Дмитрий Анатольевич, я сейчас на Восточном. Со мной тут Реджи Синак. Мы до вас дозвониться не можем. Вы где?

– В пути.

– А куда вы путь держите?

– На космодром, – солгал Никотин, хотя и понимал, что президенту ничего не стоит проверить его слова. Он уже понял, где находятся президент и Реджи Синак, и решил переобуться прямо в воздухе. – Лечу на Восточный.

У премьера пересохло в горле, и он закашлялся.

– Ты выпей, выпей, Дима, – подмигнул президент, кивая на коктейль за спиной Никотина. – У Реджи для тебя очень плохие новости, так что сто граммов тебе не помешают.

– Что за новости? – не понял Никотин.

– ЧП на рудовозе. Они нам письмецо прислали. А содержание этого письма каким-то образом попало в руки журналистов, – президент выразительно посмотрел на Реджи. Тот под этим взглядом сжался вдвое и стал похожим на уличного попрошайку. – В общем, о том, что у нас пропал безумно дорогой звездолёт, теперь знает весь мир. А ещё все знают, что вы послали туда корабль с необученным экипажем, который тоже застрял и не имеет возможности вернуться на Землю.

Президент положил трубку. Никотин остался недвижим. Это что сейчас было? Реджи Синак не смог дозвониться до премьера и ничего более умного не придумал, чем дозвониться до самого президента? А президент всё бросил и полетел на Восточный? Вот что могло такое произойти с этим рудовозом, чтобы ставить на уши всю верхушку?

– Дмитрий Анатольевич, – в кабинку вновь просунул голову помощник, – приказания будут?

– Да. Летим на космодром.

– На Восточный?

– Нет (непечатно), на Байконур! – Никотин вышел из себя и чуть не запустил в голову своему помощнику тяжелым стаканом.

Дверь быстро захлопнулась. Раздражённый Никотин остался со своими мыслями один на один. Значит, думал премьер, о ситуации с «Осирисом-3» знает не только президент, но и весь мир. Жаль, Никотину хотелось утаить это досадное недоразумение. Во всяком случае, до момента, пока не станет ясно, что именно там произошло. Долбанный Реджи! Вот зачем было президенту докладывать? Сами бы справились. Без шумихи, без огласки. Ладно, нужно поспать хотя бы пару часов, решил Никотин, залпом допивая содержимое бокала. Уже через пять минут сквозь дрему он ощутил, как пилоты резко закладывают вираж, меняя курс. И что там с этим рудовозом? Нужно будет утром пролистать новостные ленты. Утечка информации какая-то. Кто виновен? Реджи, не иначе, у кого ещё есть доступ к...

Премьер Никотин уснул, даже не успев перевести кресло в лежачее положение.

Глава 5

Несмотря на кажущуюся сложность операции, прошла она штатно. Вместе с инженером Корнеевым за бортом вызвался поработать оператор буровой установки Медведев. Пока капитан, старпом и пилоты сочиняли текст послания, остальные помогали добровольцам готовиться к работе в открытом космосе. Балычев довольно быстро собрал всё необходимое согласно списку Корнеева, Валерия Мирская и геолог Васильев тем временем помогали мужчинам облачаться в скафандры.

Единственным слабым местом плана инженера был сам процесс выхода в открытый космос. После разгерметизации, вызванной то ли взрывом, то ли столкновением, пострадали два отсека – реакторный и шлюзовой. Конечно, роботы-ремонтники оперативно устранили пробоины, запенив их специальным раствором, но дать стопроцентную гарантию, что заплатка выдержит резкие перепады давления, не мог никто.

К счастью, все этапы операции прошли благополучно. Шлюзовую камеру перед выходом проверили дважды, и только после решающей отмашки капитана Корнеев и Медведев приступили к работе. Во время выхода в открытый космос Виктор лишь помогал инженеру, был его дополнительной парой рук. В его обязанности входило подавать, держать, крутить, убирать, когда скажут, и не мешать. Всю основную работу Корнеев выполнял сам. После долгого и нудного демонтажа внешних защитных панелей корпуса он приступил к непосредственному подключению кабелей питания к системе ЧСДВ, а затем долгих два часа возился с отладкой оборудования.

Руки Медведева уже были не нужны и, дабы не болтаться без дела, он сам предложил капитану осмотреть «Марк-10» и его повреждения. Капитан дал добро. Всех интересовал характер этих повреждений, поэтому визуальный осмотр мог дать хоть какую-то пищу для размышлений. И он дал.

– Похоже, мы на что-то напоролись, – прокомментировал то, что увидел, Медведев. – Длинная пробоина. Бронированные листы обшивки словно кто ножом порезал. Края вогнуты внутрь.

– Вот тебе и скрежет, – сказала Алла Марр. Виктор почему-то был уверен, что в этот момент она смотрела в глаза физику Ильину и взглядом просила у того прощения за весь экипаж.

– Края обуглены? – уточнил Сопкин.

– Никак нет, кэп. Они именно что прорезаны. Никаких следов термического воздействия.

– Но такого просто быть не может! – возмутился капитан. – Ты ничего не путаешь?

Медведев настроил камеру на шлеме и постарался показать пятиметровый надрез обшивки во всей красе. Когда фиксировал повреждения в корпусе реакторного отсека, капитан вдруг попросил его замереть:

– Отогни-ка, Витя, термоплёнку. Так. Что это?

Медведев понял, о чем говорит капитан. В проёме между термоплитами обшивки и внешним, так называемым лёгким корпусом, в ворохе искореженных плат, проводов и трубок виднелся какой-то блестящий продолговатый предмет. Вид у него был, прямо скажем, нестандартный.

– С виду железка какая-то полированная. Ого, острая!

– Береги скафандр, Витя, – предупредил капитан. – Ты достать её оттуда сможешь?

– Постараюсь.

Медведев попытался раскатать непонятный предмет рукой, но вскоре понял, что тот застрял в гермопене, которой роботы изнутри заделали дыры в отсеках.

– Нет, кэп, не выйдет. Пена слишком крепко держит. А дуриком выламывать не хочу, вдруг опять разгерметизация.

– Витя, – вмешалась в разговор Алла Марр, – а ты можешь отрезать от этой штуки кусочек? Мы бы тут анализ провели.

– Ответ отрицательный! Как я вам её отрежу? Эта хрень бронеплиты «Марка» как масло порезала. Представляете, насколько она прочная?!

– Ладно, согласна, пустая затея. А на что эта штука похожа вблизи? Мы тут видим нечеткое изображение чего-то блестящего.

– Ну, она длинная, сантиметров сорок, гладкая, продолговатая. На сосульку похожа, только металлическую. Такое ощущение, что она из застывшей ртути сделана.

– Ты хоть поскреби её чем-нибудь! – взмолилась Алла Марр.

– Чем я тебе её поскребу? – развел руками Медведев, оглядываясь по сторонам. – Ну, могу манипулятором попробовать ущипнуть. Может, на губках что и останется.

– Корнеев, – спросил капитан, – ты там как?

– Заканчиваю уже. Ещё минуту.

– Я успею, – сказал Медведев и направил реактивный ранец к шлюзу, где висели инструменты. Схватив портативный манипулятор, он вернулся к реакторному отсеку и попытался захватить металлическую сосульку в тиски. Те ожидаемо соскальзывали, не давая ухватиться. Наконец Медведев изловчился и смог установить захват таким образом, чтобы губки манипулятора не соскакивали. Он не особо надеялся на результат, когда нажал кнопку компрессии. Щёчки манипулятора начали сжиматься, и вдруг та часть сосульки, за которую удалось ухватиться, буквально на глазах растаяла и обволокла собой рабочую поверхность механической руки. Манипулятор тут же сорвался, выскользнул из рук Медведева и чуть было не улетел, но его успел поймать вовремя подлетевший Корнеев.

– Я закончил. Что тут у вас? – сказал он, возвращая Виктору инструмент.

– Эта хреновина пропорола нам бок, – ткнул в сосульку пальцем Медведев. Та, к слову, вновь выглядела целой, словно манипулятор и не нанес ей никакого ущерба. – Понятия не имею, откуда тут взялась этой железяке.

– Не знаю. Полетели домой, – предложил Корнеев. – Работа сделана, нам нужно беречь кислород.

Виктор кивнул напарнику, перехватил поудобнее свой манипулятор, и они полетели к шлюзу. Никто из мужчин не заметил, что часть вещества с блестящей сосульки так и осталась на губках рабочей поверхности инструмента.

– Что с текстом? – первым делом спросил у капитана Корнеев.

– Готово. Несколько строк.

Сопкин протянул инженеру планшет и тот прочел на нем послание:

«Марк-10» РН 732-34-32- ЦУПу. Координаты (вставить из системы ориентирования). Визуальный осмотр «Осирис-3» повреждений не выявил. «Марк-10» получил пробоину. Реактор заглушен. Энергия на исходе. Терпим бедствие. Единственным выходом вижу эвакуацию экипажа на «Осирис-3». Срочно необходима вся техническая документация по «Осирису-3».

– Я бы ещё про наш груз написал.

Сопкин взглянул на Корнеева исподлобья.

– Предлагаешь шантаж?

– Ну, технически это не будет выглядеть, как шантаж. Просто доложим, мол, груз на месте, цел и невредим. А они, если не идиоты, между строк прочтут что-нибудь вроде: *«Если не пришлете нам документацию по «Осирису», нам терять нечего, разнесем тут всё к чертям!»*

– Башковитый ты, Корнеев, – похвалил инженера капитан. – Приступай к передаче.

Алла Марр подошла к Медведеву и начала помогать ему со скафандром.

– Принёс?

Виктор вопросительно уставился на нее.

– Что, прости?

– Ну, ты же тыкал эту штуковину манипулятором. Принёс? Манипулятор!

– Дьявол! Алла, – Виктор ударил себя по лбу, – если честно, я так рад был, что сваливаем отсюда, что просто забыл забрать манипулятор. Он так и остался висеть снаружи с другим инструментом.

Алла покривилась, но всё же не стала горячиться.

– Ладно, не переживай. Если у наших все получится, скоро тебе вновь выходить в открытый космос.

– Если честно, – признался Медведев, – стыковаться с «Осирисом» я бы отправил Балычева. Андрюху хоть не жалко.

– Всех жалко, – не поняла шутку Алла Марр, стягивая с Медведева шапочку-подшлемник, – а ты лучше него управляешься с платформой. Так что лететь, думаю, всё же тебе, дружок. Причем довольно скоро. И не забудь манипулятор на анализ забрать.

– Ага, скоро! Пока они пошлют сигнал, пока там соблаговолит ответить... – усмехнулся Медведев, благодарно кивнув Алле – дальше он уже мог снимать скафандр сам. – Им там подумать нужно будет. Посовещаться, собрать пару заседаний совета безопасности, или как там у них дела делаются... В общем, я думаю, мы туда не раньше, чем через неделю полетим.

Ответ с Земли пришел через пять часов. Алла Марр бросила на Медведева лукавый взгляд, словно припоминая его скепсис. Тому ничего не оставалось, как развести руками. Капитан вновь собрал всех в жилом отсеке, чтобы озвучить послание с Земли.

– Забегу вперед, – уточнил он, прежде чем прочесть ответ. – Они выслали нам все необходимые коды доступа, пароли и техническую документацию к «Осирису-3».

– Значит, – обрадовался геолог, – они не возражают, что мы займем их корабль?

– Не возражают, – сухо ответил капитан. – Правда, есть одно «но». Там... А, собственно, давайте-ка лучше ответ послушаем. Думаю, вы и так всё поймёте.

Капитан поднял к глазам планшет, кашлянул, прочищая горло, и прочел:

«Экипажу «Марк-10».

Радые вас слышать. Озадачены вашей ситуацией. Во вложении коды доступа к главному компьютеру «Осириса-3» и тех. документация. Есть нюансы. Корабль готовился к беспилотной миссии. На борту только техническая вода и ограниченный запас O₂ (см. тех. документацию). Наши специалисты рекомендуют снять с «Марк-10» все приборы жизнеобеспечения. Также при эвакуации необходимо перенести всю воду и продукты питания. Основная проблема – на «Осирис-3» нет гибернационных капсул. Помощь уже в пути. Крепитесь.

Руководитель проекта «Осирис» Реджи Синак».

Первым высказался физик Ильин:

– То есть попасть на «Осирис» мы можем, но толку от этого будет мало, поскольку гибернационных капсул там нет.

– Да, – кивнул капитан, – при самом плохом раскладе нам придется провести на борту «Осириса» пятнадцать лет.

– Нет, ребята, – каким-то меланхоличным тоном протянула Валерия Мирская, – у нас столько провизии нет. Два-три года, это максимум.

– И это при условии, что мы там с ума не сойдем, – добавил геолог.

– А зачем нам тогда вообще на этот корабль переться? – как всегда грубо высказался Балычев. – Только чтобы сдохнуть в более комфортных условиях?

Ему ответил Медведев:

– Там у нас хоть несколько лет на борьбу будет. А на «Марке», я так понимаю, в ближайшее время будет и холодно, и душно.

– Да, – вздохнул капитан, – на то, чтобы осуществить эту передачу и получить ответ, мы истратили почти всю энергию. Батареи на последнем издыхании.

– А значит, и обсуждать тут нечего! – довольно строго сказала Алла Марр и резко поднялась со своего места.

Выглядело это слишком уж театрально, во всяком случае, так показалось Медведеву. Он медленно перевел взгляд на девушку-пилота и подумал, что именно эта театральность и гротеск, возможно, сейчас и необходимы команде. Если не всем, то ей, Алле Марр, точно нужны именно такие эмоции. Она так борется за жизнь, догадался Медведев. И всем остальным не мешало бы взять с неё пример. Виктор поглядел на присутствующих и понял, что все взгляды устремлены в сторону Аллы. Её сила, её решимость сейчас питали остальных. Она тоже это почувствовала и потому продолжила свою речь:

– Если есть возможность бороться, не вижу причин помирать, сложив лапки. Нужно решать проблемы по мере их поступления. Первоочередная задача – вылазка на «Осирис». Мы должны убедиться, что коды доступа актуальны и что сама возможность попасть на корабль у нас есть. Остальное – дело техники. Соберём всё, что можно собрать – воду, еду, медикаменты. Снимем необходимое оборудование. Газоанализаторы, РИТЭГи, опреснители, патроны-поглотители CO₂, скафандры – да мы вообще всё можем перенести на «Осирис»! Рудовоз обречён, и выбора у нас нет.

– Алла права, – согласился со вторым пилотом Сергей Вершинин. Старпом встал и подошел к девушке. – Твоя правда. Нам нужно действовать. Мы выживем, только если будем работать. Работать сообща. И не свихнемся, только если будем работать. Опять же работать сообща! Я сильно сомневаюсь, что у кого-то есть на этот счёт сомнения.

Сомнений ни у кого не было. Дух экипажа никто больше поднимать не пожелал, а потому в центр жилого отсека вновь вышел капитан.

– Соглашусь с пилотами. Сидеть сложа руки в подобной ситуации – не дело. А потому приказываю немедленно начать подготовку к эвакуации. Виктор, Сергей, – он повернулся к друзьям, – вам поручаю первую вылазку на «Осирис». Задача – подлететь на платформе, попытаться связаться с системами корабля. По возможности проникнуть на борт и провести разведку. Если удастся реанимировать ИИ, дело пойдет быстрее. Если он сдох, то задача минимум – выяснить, какие системы жизнеобеспечения «Осириса» ещё функционируют. Остальным приказываю подготовиться к эвакуации. Берем всё, что только можно взять, в первую очередь воду, продукты питания и медикаменты. Валерия, Алла – это на вас. Далее системы связи, компьютеры, опреснители, газоанализаторы, поглотители CO₂, генераторы O₂. Всё, что поможет нам выжить в той пустой консервной банке! Это на тебе, Денис, – инженер кивнул. – Корнееву помогут Балычев и Васильев. Вопросы?

Вопросов ни у кого не оказалось.

– Тогда за дело. Задания есть у всех. За собой оставляю координацию процессов и посильную помощь там, где потребуются лишние руки. С Богом!

После того, как Реджи Синак отправил ответ на «Марк-10», он приготовился к строгому и позорному увольнению из Роскосмоса. С минуты на минуту в ЦУП ворвется премьер-министр Никотин и разнесет тут всё на куски.

Реджи окинул тоскливым взглядом терминалы, за которыми сидели его подчинённые. Каждый нёс персональную ответственность за маленький участок. Связь, телеметрия, спутники, астронавигация, техники, инженеры, биологи, электрики, психологи, программисты, консультанты, пилоты – всех и не перечислить. Десятки маленьких фронтов. Сотни профессий, сражающихся за общее дело каждый на своем участке. И за всем этим должен был следить он, руководитель проекта. Не уследил. Прошляпил. Не доглядел. Сперва этот «Осирис-3», а теперь ещё и эти бедные работяги с рудовоза «Марк-10». Они застряли там по его, Реджи Синака,

вине. На нем персональная ответственность за решение послать их туда. А ведь Никотин тогда предупреждал, что делать этого не стоит, что этот рудовоз ещё костью рыбьей застрянет у них в глотках. Что груз, который они везут, ни при каких обстоятельствах не должен пересекаться с кораблем, которым управляет ИИ. ИИ, который, вполне возможно, вышел из строя.

Реджи хотел как лучше. Хотел убедиться в том, что корабль цел. Что имеется экономическая целесообразность посылать туда пилотируемую экспедицию сроком в тридцать лет. Да, сам экипаж проведет в гибернации большую часть этого времени, но тут, на Земле, пройдет целых тридцать лет! Дети, рождённые в момент старта спасательной операции, к её завершению успеют повзрослеть и нарожать своих детей. На планете за это время вырастет целое поколение новых людей! А он, Реджи, успеет за это время состариться. А может, и помереть.

Был ещё один неприятный момент, которым Никотин не побрезгует попрекнуть Реджи Синака. Эти горе-спасатели с «Марка-10», оказавшись в заложниках ситуации, недвусмысленно намекнули, что если им не передадут секретные материалы по «Осирису», они с легкостью уничтожат и груз, и себя, и весь проект «Осирис». И ведь уничтожат – достаточно будет связаться с кем-нибудь другим на Земле. С немцами, например, или с поляками. Уж те-то не упустят шанса похоронить русский дальний космос.

Да, Реджи понимал, что люди в отчаянном положении, и простил им эту вольность. Да он и без этого намека сделал бы всё возможное, чтобы спасти их. Но осадочек-то остался. Ни одна государственная контора не любит, когда её шантажируют.

И, конечно, Реджи Синак понимал, что Никотин не простит ему утечку информации. Особенно когда узнает, что её источником был сам Реджи.

Глава 6

– Пятьдесят метров.

Алла Марр следила за каждым действием Виктора Медведева. А вместе с ней, затаив дыхание, за стыковкой старенькой буровой платформы и новейшего межзвёздного крейсера следила и вся команда «Марка-10»

– Тридцать метров. Полегче, ковбой, не на родео. Ты должен мягонько оседлать этого жеребца, а не нокаутировать его.

– Всё под контролем, – послышалось в динамиках.

Голос оператора звучал ровно и уверенно, но за этим взвешенным хладнокровием все отчетливо слышали колоссальное напряжение. Виктор понимал, какой груз ответственности возложен на него. Ошибись он хоть на миллиметр, и девять жизней оборвутся в ближайшие же дни. Совладай Медведев с собой, и у всех появится надежда. Напряжение росло с каждой секундой.

– Десять, девять, восемь, семь метров... – вела отсчет Алла.

Балычев скрипнул зубами и только сейчас понял, как сильно напрягся.

– Шесть, пять, четыре...

Валерия Мирская рефлекторно нащупала ладонь Корнеева, их пальцы переплелись, но, опомнившись, девушка тут же отняла руку. Корнеев, понимая, что никто сейчас этот жест видеть не мог, не подал вида и продолжал напряженно вглядываться в экран. Ему хотелось посмотреть на девушку, увидеть, как багрянец смущения коснулся её щек, но это могло выдать их с головой.

– Три метра...

Все на мостике рефлекторно приблизились к экрану.

– Два метра...

– Паркуйся уже, – прорычал сквозь зубы Балычев, – я сейчас обоссусь!

– Метр. Спокойнее, Витя. Есть захват. Электромагнитный замок. Есть стяжка. Фиксируй!

– «Марк-10», говорит платформа. Стыковка прошла в штатном режиме. Мы получаем данные с «Осириса». Он видит нас и проводит диагностику.

Тут же по кабине буровой платформы прокатился гром оваций. Динамики трещали, все наперебой поздравляли Медведева и Вершинина. Сергей, всё это время хранивший молчание и напряженно следивший за манипуляциями друга, похлопал Виктора по плечу и ободряюще произнёс:

– Все, салага, выдыхай. Экзамен сдал. Теперь моя очередь.

Виктор с радостью уступил своё место пилоту и только сейчас ощутил, как сильно был напряжён в последние двадцать минут. Живот слегка крутило, нательный комбинезон под лёгким скафандром прилип к спине от пота. С трудом уняв мелкую дрожь в пальцах, он вытер со лба испарину и откинулся в кресле второго оператора. Спину ломило, ноги налились свинцом. Виктор знал, что такие, мягко говоря, несладкие ощущения продлятся ещё как минимум полчаса. Что ж, и не такие отходняки ловил, подумал он. Прорвёмся.

– Что с системой корабля? – спросил Сопкин, когда овации несколько поутихли.

– Идет загрузка данных, кэп. Ещё двадцать процентов.

Капитан Сопкин кивнул в камеру и повернулся к остальным членам экипажа.

– Всё, господа, концерт окончен, времени прохлаждаться нет. У каждого есть задание. Приступаем.

– Ну вот, – пробубнил Балычев, – самое интересное пропустим.

– Интересное начнётся, когда мы переберёмся на пустующий звездолёт, – ответила ему Валерия, увлекая за собой. – А до этого момента ещё потрудиться нужно.

Вся команда разошлась по отсекам и приступила к сборам. Эвакуация подобных масштабов ранее никем не осуществлялась и, естественно, все были возбуждены. Работа закипела. Капитан же вернулся к пульту связи и спросил:

– Ну, что там у вас?

Тем временем полоска индикатора загрузки заполнилась, и Вершинин сосредоточенно изучал сообщение об ошибке.

– Пока не знаю, кэп, – сказал он, – выползла какая-то ошибка. Компьютер «Осириса» нас не пускает.

– Пробуй вручную, Сергей.

– Пытаюсь. Он не пускает меня. Стоп, вот, запрашивает коды доступа.

– Загружай.

– Эмм... – голос Вершинина дрогнул. – Не принято.

– В смысле? – не понял Сопкин.

– Пишет «отказано». Код доступа не срабатывает.

– Странно. Может, вручную попробовать?

На минуту повисла тишина. Сопкин видел, как Вершинин вводит пароль вручную. Ещё пара секунд, и Сергей вновь покачал головой.

– Не выходит. Кэп, код неверный!

– Алла! – позвал капитан. Женщина отвлеклась от сборов и зашла на мостик. – Взгляни. Может, будут какие мысли.

– А что там?

– Коды доступа не срабатывают. «Осирис» нас не пускает.

– Погодите-ка, – Алла села в кресло второго пилота. – Серёж, переведи на меня.

Получив полный доступ к системе буровой платформы, Алла ввела несколько команд. Окна всплывали и сменяли друг друга так быстро, что Сопкин не успевал проследить за её действиями. Девушка тем временем прокомментировала:

– Сработал скрытый файервол «Осириса». Нам о нём никто не говорил.

– Что это значит?

– Корабль защищается от проникновения.

– Но у нас коды доступа.

Алла посмотрела на капитана:

– А вы уверены, что они актуальные?

Сопкин воровато оглянулся, очевидно, не желая раньше времени нервировать команду, наклонился к Алле Марр и взволнованно зашептал:

– Ну не могли же нам прислать фальшивку? Они же понимали, что это наш единственный шанс, а запросить помощь мы уже не сможем, на повторный сеанс связи у нас просто не осталось энергии.

Капитан и второй пилот вновь посмотрели друг на друга. Судя по всему, думали они об одном и том же. Неужели их кинули? Капитан не выдержал взгляда Аллы Марр и, отвернувшись к экрану, спросил:

– Что ещё можно сделать?

– А ничего, – севшим голосом ответила Алла. – Мы не можем попасть на «Осирис». Если корабль посчитает, что его взламывают, он автоматически сменит коды доступа и тогда вообще пиши пропало.

– А открыть шлюз вручную?

Капитан хватался за соломинку, хотя и сам понимал, что открыть шлюз вручную можно, только взорвав его. Алла ничего не ответила и тупо уставилась на строчки системного кода «Осириса».

К ним подошел Корнеев.

– Капитан, я уже могу демонтировать РИТЭГи?

Сопкин отмахнулся.

– Погоди, Денис, у нас тут проблема всплыла.

– Что за проблема?

– «Осирис» нас не пускает, – ответила за капитана Алла Марр, не видя смысла скрывать ситуацию. – Взгляни, может, ты чего поймешь.

Всю весёлость Корнеева как рукой сняло. Он наклонился к пульту управления и пролистал последние логи.

– Не понимаю. Он словно от нас прячется. Не отвечает ни на один запрос. А голосом пробовали?

Сопкин и Алла Марр посмотрели на него, как на умалишенного.

Корнеев пояснил:

– Там же на борту продвинутый ИИ установлен. Мы лезем к нему извне. Естественно, он считает нас угрозой.

– Но у нас коды доступа.

– Да, понимаю. Но коды доступа работают лишь с простыми компьютерами. По принципу замок-ключ. Мы понятия не имеем, насколько крут этот искусственный интеллект. Равно как и не знаем, почему он остановился на полпути к цели. Что, если у этого ИИ произошел какой-нибудь сбой? Мы же не знаем, какими правами обладает эта система.

– И что ты предлагаешь? Просто поговорить с ним? Убедить? – недоверчиво уточнил Сопкин.

– А что мы теряем? Да, я думаю нужно выйти с ним на связь напрямую. Просто послать сообщение, представиться, озвучить цель визита. Может, ему тогда понятнее будет, кто перед ним и что от него требуется.

Капитан встал со своего места:

– Ну, попробуй.

Корнеев смутился и на место капитана усаживаться не стал.

– И что я ему скажу?

– Не знаю, – развёл руками капитан, – это же твоя идея – поговорить с железякой.

– Но, она не железяка! – возмутился Корнеев. – Эти системы не зря называют искусственным интеллектом. Это система, способная к обучению, самосознанию и самоанализу. В её мозгах, если можно так выразиться, протекают те же процессы, что и в наших.

– Ладно, – сказал капитан, – давай-ка я сам попробую. Алла, настрой канал.

– Какая частота? – уточнила пилот.

– Давай сплошным потоком. Все, что есть.

– И УКВ?

– Все.

– Готово. Можете говорить, капитан.

Сопкин прокашлялся, наклонился к микрофону, зажал кнопку связи и неуверенно произнес:

– Говорит капитан грузового судна «Марк-10» Георгий Сопкин, – он вдруг отключил связь и повернулся к Алле Марр. – Я чувствую себя глупо. Там нет никого! Как мне называть эту железяку?

Алла замахала руками: мол, не стоит надолго прерывать передачу.

– Да как хотите называйте! У него нет имени! Он себя отождествляет с кораблём. Он и есть «Осирис-3».

Сопкин кивнул и вновь вернулся к микрофону.

– Повторяю. На связи Георгий Сопкин, капитан грузового судна «Марк-10». «Осирис», как слышите?

Радиоэфир молчал.

– «Осирис-3», говорит «Марк-10». Мы прибыли со спасательными целями. С Земли поступило сообщение о прерывании вашей миссии. Нас направили вам в помощь.

Тишина.

– «Осирис-3», ответьте!

Сопкин вновь выключил микрофон и повернулся ко второму пилоту:

– Есть реакция?

Алла покачала головой.

– Ну хоть что-то?

– Нет, капитан, на всех частотах тишина.

Сопкин закатил глаза и тяжело вздохнул.

– Так и думал – пустая затея. Эта штукавина и на связь с Землей не выходит, с чего ей нас-то слушаться? Ладно, пока повременим с переездом. Нужен мозговой штурм. Отзывайте платформу, чего мужикам там болтаться.

– Стойте, – Корнеев остановил руку Аллы Марр, которая уже тянулась к микрофону. – А это что?

– Где?

– Это разве не показатели датчиков гравитометра? – он указал на крайнюю панель слева, там действительно мигали красным какие-то цифры.

– Да, это показания с гравитометра платформы, – задумчиво ответила Алла Марр. – Должно быть, платформа барахлит – они должны быть активны только во время её работы над поверхностью массивных тел.

– В космосе нет гравитации, – согласился с девушкой Сопкин.

– Да, но взгляните, цифры зашкаливают!

Алла схватила микрофон.

– Сергей, слышишь меня?

– Да, на связи.

– Проверь гравитометр.

– Уже смотрю. Что за...

– У вас те же параметры?

– Да, уровень зашкаливает! Что это за хрень?

– Ты можешь просчитать вектор воздействия? Нам нужен источник. Это «Осирис»?

– Сейчас, минуту, – некоторое время в динамиках слышались лишь сухие щелчки. Наконец Вершинин доложил. – Нет, это не «Осирис». Источник аномалии в пяти километрах от нас. Эмм... на семь часов.

Все, кто был на мостике, синхронно повернули головы в указанном направлении, но ничего там не увидели. Люди начали озираться по сторонам. Пусто. Везде, куда падал взгляд – лишь мёртвая пустота космоса и слабое мерцание знакомых созвездий. Сопкин проверил радар – тоже пусто.

– Стойте! – вновь сказал Корнеев. – Пропали цифры.

Все опять посмотрели на приборы, на которых теперь отображались привычные для космоса сотые доли гравитационных колебаний, вызванных, по-видимому, самим «Осирисом» и «Марком-10».

– И что это было? – не понял капитан.

– Может, всё-таки приборы барахлят? – предположила Алла.

– Раньше такого не было, – ответил Корнеев.

– До сего дня мы не терпели бедствие, – возразила Алла Марр.

Первым из оцепенения вышел капитан.

– В любом случае, была аномалия или нет, нам это никак не поможет. Давайте-ка вернём ребят.

– «Марк-10», это платформа. Вы меня слышите?

– Да, Сергей, мы на связи, – ответила Алла Марр. – Закругляйтесь. Мы ждём вас на борту.

– Тут что-то происходит.

Капитан насторожился.

– Что там у вас, платформа?

– Загрузка данных с «Осириса» пошла заново.

– И что ты для этого сделал?

– В том-то и дело, что ничего. После этой аномалии у нас внезапно погасли все приборы, а через секунду всё запустилось и теперь идет загрузка данных. Уже 99, нет 100%. Пошли какие-то цифры! Стоп... (помехи), она... (помехи) ...лась! Повто... (помехи).

– Платформа?

В эфир прорывались какие-то помехи, голос Вершинина захлебывался в их треске.

– Платформа? – повторила Алла. – Сергей, что у вас происходит?

– ... лась. Повторяю! Шлюзовая камера открылась! – кричал радостный голос Вершинина. На этот раз пилота было слышно отлично.

– Так, платформа, – вмешался капитан, – не предпринимать никаких действий! Повторяю, не предпринимать никаких действий!

Сопкин развернулся к Алле Марр и Корнееву:

– Так, и что делать будем?

– А что мы до этого планировали делать? – недоуменно спросила Алла Марр.

– Мы ребят на разведку послали.

– Ну, так у них все получилось! – констатировал Корнеев. – Раз шлюзовая камера наконец открылась, пусть облачаются в лёгкие скафандры и проникают внутрь.

– Ну да, – согласилась Алла, – мы для того их и послали.

Сопкина что-то тревожило, но он не смог бы объяснить природу этого чувства. Все эти странности с «Осирисом», его нежелание пускать чужаков к себе на борт, а теперь ещё и эта странная гравитационная аномалия. Вдруг это ловушка? Но он не мог озвучить эти опасения. По сути, у них не было никакого выбора. Им нужен был «Осирис», а для этого нужно было понять, что там происходит.

– Так, платформа, – наконец решился капитан, – действуйте по плану. Проникаете внутрь, осматриваетесь, собираете данные и бегом обратно!

– Принято. Приступаем.

Уже через десять минут Медведев и Вершинин, облачённые в лёгкие скафандры, стояли посреди шлюзовой камеры «Осириса» и ждали, когда автоматика выровняет давление. Гравитации на борту корабля не было, разведчикам пришлось активировать магнитные подошвы.

– Тебе страшно? – спросил Медведев.

Сергей фыркнул, словно каждый день за завтраком вламывался в законсервированный необитаемый звездолёт, застрявший в двух световых годах полёта от Земли.

– Спросишь тоже... – а потом добавил уже серьёзным тоном. – Пипец как страшно, Медведев. А тебе?

– У меня живот крутит. У меня всегда так, когда волнуюсь.

Вершинин издал нервный смешок:

– Медвежья болезнь?

– Очень смешно, – Виктор с укором посмотрел на друга и понял, что тот просто пытается снять стресс. – Как думаешь, там сортир есть?

Мужчины помолчали секунду, а потом, не сговариваясь, расхохотались.

– Прикинь, Медведь, ты будешь первым, кто засрёт им тут всё. Что о тебе искусственный интеллект подумает? Пятнадцать лет никто на борту сортиром не пользовался, и тут ты со своими коликами.

– Ребят, вы же понимаете, что мы тоже в эфире? – голос Аллы Марр отрезвил разведчиков, и те синхронно подобрались. Но не прошло и двух секунд, как оба вновь расхохотались.

– Так, капитан у микрофона, – вмешался Сопкин. – Я ценю вашу стрессоустойчивость, но нельзя ли посерьёзнее?

– Извините, кэп, – ответил за двоих Вершинин. – Мы постараемся.

Давление между тем выровнялось. На внутренней переборке шлюза загорелась зелёная полоса, послышался характерный механический звук: гермодверь была разблокирована.

– Входим, – тихо сказал Вершинин и, потянувшись к ручке, толкнул дверь от себя. Та поддалась.

– Почему так темно? – спросил Медведев, перешагивая порог.

– А кому тут свет нужен? Миссия же беспилотная, – ответил ему Сергей и включил налобный фонарь.

Мужчины вошли в отсек и заперли за собой гермодверь. Знакомая полоска загорелась красным. Первым делом Вершинин проверил атмосферу станции.

– Кислорода всего пять процентов, – доложил он, – остальное азот.

– Странно, что тут вообще есть кислород, – удивился Медведев, обводя небольшой отсек светом налобного фонаря. – Он же тут никому не нужен.

– Действительно, странно, – согласился Сергей, подходя к стене, на которой обнаружил стандартный терминал управления. – Давай посмотрим, что у нас с питанием.

Он мягко нажал на экран, и поверхность тут же отозвалась приятным голубым свечением. Вершинин свайпнул снизу вверх и вызвал меню.

– А вот и свет, – сказал он, нажав соответствующий пункт. Стены отсека мягко осветились, отвоевывая у темноты метр за метром. Вершинин потянул бегунок регулятора, и к свету в стенах присоединилось потолочное освещение.

– Да. Так гораздо лучше, – сказал Медведев и прошел к очередной переборке. – Если не ошибаюсь, мы сейчас в отсеке, где обычно хранятся скафандры.

– Да, вот тут они обычно и висят, – указал на пустые ниши в стене Вершинин. – Но миссия автономная, «Осирис» скафандрами не укомплектован.

– Жаль, нам парочка не помешала бы.

– Согласен. Ну что, пошли дальше? Судя по плану, за переборкой – главный транспортный коридор. По нему попадём на капитанский мостик.

– И в реакторный отсек.

– Сперва на мостик. Нужно диагностику систем провести.

– Давай, открывай.

Переборка отъехала в сторону, и мужчины вошли внутрь. Длинный коридор со сводчатым потолком был погружён во мрак. Вершинин нашёл на стене пульт управления и включил освещение. По коридору в обе стороны разбежались полосы света, затем стены мигнули и осветили пространство ровным белым свечением.

– Какой же он огромный! – восхитился Медведев.

– Да уж, – согласился Вершинин, – не сравнить с нашей консервной банкой. Давай туда.

Сергей повернул направо и зашагал вдоль коридора. Медведев пошёл следом, внимательно разглядывая белые стены и пол.

– Подумать только, – сказал он в спину Вершинину, – неужели человечество вот так запросто могло послать в глубокий космос пустой корабль?

– А зачем посылать людей, если разведку можно осуществить без них? – аргументировал Вершинин. – Ты сам смог бы провести в полёте половину своей жизни?

Медведев пожал плечами.

– Смотря ради какой цели.

Они проходили мимо множества закрытых гермодверей – должно быть, это были рабочие отсеки и каюты для будущих переселенцев. Корабль изначально всё же проектировался для пилотируемых миссий.

– И что бы тебя сподвигло?

– Думаю, поиск внеземной жизни. Разумной жизни, – уверенно ответил Медведев.

– Оставить на Земле родных и близких, пожертвовать своей жизнью, чтобы попытаться найти жизнь где-то ещё? – Вершинин пожал плечами. – Как по мне, так себе затея. И потом, чтобы найти разум во вселенной, не нужно туда лететь самому и тратить на это свою жизнь. Достаточно найти доказательства присутствия этого разума.

– Какие, например?

– Радиосигналы, лазерные передачи, архитектурные артефакты на экзопланетах, окаменелости там всякие, сложные технические приборы, зонды, спутники, ядерные отходы и всё в этом духе, – коридор начал забираться влево, следуя причудливым изгибам «Осириса». – В общем, есть сотни, тысячи возможных доказательств воздействия на окружающий мир разумных существ.

– Наверное, ты прав, – согласился Виктор. – Но мы ни разу не находили таких доказательств.

– В том-то и дело. Галактика огромна, и вероятность найти жизнь в доступных нам секторах ничтожно мала.

– Так какого чёрта мы лезем тогда так далеко? Не проще было бы сидеть у себя на отшибе галактики и развивать то, что есть?

– А ты думаешь, сейчас мы не на отшибе? Это для тебя расстояние в два световых года – задница мира, а в масштабах галактики, нашего родного Млечного Пути, мы даже за калитку не вышли.

– А что за калиткой, как думаешь?

– Лес, наверное. Огромный дремучий лес. За ним поля, реки, моря и океаны, другие земли и вновь леса. Всё, как на Земле, только в масштабах, которые наш мозг просто не способен осознать.

– В таком случае я не понимаю, какой смысл в таких научных программах, как «Осирис»? Почему мы отправляем наши корабли к соседним звёздным системам, зная, что вероятность встретить там братьев по разуму ничтожно мала?

– Во-первых, никто не говорил, что они будут нам братьями, – резонно заметил Сергей, останавливаясь возле большой круглой гермодвери. – А во-вторых, кто тебе сказал, что мы их ищем?

– А что же мы ищем тогда? Зачем забираемся так далеко?

– Думаю, учёные ищут для нас новый дом.

– Но у нас уже есть дом.

– Если у тебя есть домик в деревне, никто не запрещает тебе мечтать о большой просторной квартире в центре столицы, верно? Думаю, они просто присматривают различные варианты. На будущее. А вообще не докапывайся, я такими категориями не мыслю. Летают – значит, так надо. В конце концов, они могут запускать эти межзвёздные корабли даже только по одной причине.

– И какой же?

– Просто потому, что могут, – Вершинин взялся за ручку гермодвери, ведущей на капитанский мостик «Осириса». Ожил экран доступа. – Ну что, Медведь, момент истины. Пустит нас эта железяка в свою святая святых?

Глава 7

К удивлению разведчиков, массивная гермодверь, ведущая на капитанский мостик, после активации кнопки «доступ» на экране легко поддалась. Никаких тебе паролей, аутентификаций и прочих мер безопасности. И выглядело это по меньшей мере странно. На всех звездолётах Федерации капитанский мостик, реакторный и гибернационный отсеки были самыми защищёнными модулями. Попасть в них без особого доступа было невозможно, равно как и взломать бронированные двери. Если на «Осирисе» всем заведовал искусственный интеллект, то вёл он себя крайне непоследовательно. Десятью минутами ранее он не пускал людей на борт, хотя те имели все необходимые коды доступа, а теперь он без всяких проблем и проверок позволил им проникнуть в самый охраняемый отсек корабля.

Друзья удивлённо переглянулись и зашли на мостик. На этот раз свет в помещении услужливо включился сам.

– «Марк», – доложил Вершинин, – мы на мостике.

– Отлично, парни, – ответил Сопкин, – попробуйте провести диагностику систем.

– Да, кэп.

Сергей, будучи пилотом первого класса, быстро сориентировался и подошёл к центральному пульту управления. Медведев же начал осматривать большое овальное помещение по периметру, затем подошёл к вспомогательному терминалу, достал свой планшет и тоже попытался подключиться к системе.

– Так, что тут у нас? – Вершинин ввёл несколько команд на панели управления, и в воздухе перед ним возникла голографическая схема ключевых узлов звездолёта. – Ого, как тут много всего!

Он принялся изучать доступные функции и в скором времени сделал первый вывод:

– Капитан, судя по всему, все системы «Осириса» в норме. На борту есть пара сотен литров воды, видимо, оттуда и кислород. Реактор исправен, но работает лишь на пять процентов от максимума. Системы жизнеобеспечения в норме. Сейчас постараюсь активировать кислородную установку.

К Вершинину подошел Медведев.

– Ну как?

– Сейчас. Смотри, – он указал на шкалу насыщения воздуха кислородом. Та медленно, но верно ползла к нормальным значениям.росло и давление. – Ну, вот и всё. Мы даже можем снять скафандры.

– Так быстро? Кислород теперь есть везде?

– Да. Я надеюсь.

Медведев недоверчиво поглядел на друга и произнёс:

– Знаешь, я пока воздержусь. Тут пятнадцать лет никто ничем не дышал. Хрен его знает, какие бактерии могут расплодиться за это время в вентиляции.

– Я тебя умоляю, Медведь, ты сейчас на воду дуешь. Какие тут могут быть бактерии?

– Ты что, фильмы не смотрел? – на полном серьёзе заявил Виктор. – Ну, те старые фильмы, где горе-космонавты на первой попавшейся планете снимают с себя скафандры и заражаются невиданной инопланетной хренью. Потом из них всякие твари вылезают и жрут всю команду.

– Ты нелогичен. Откуда тут взяться инопланетной хрени, если этот корабль ещё никуда не долетел?

– Можешь считать меня параноиком, – безапелляционно заявил Медведев, – но я не стану снимать свой скафандр, пока Валерия не изучит тут всё на предмет опасных вирусов или бактерий.

– Медведь, кстати, дело говорит! – послышался в эфире голос Аллы Марр. – Лучше не рискуйте, парни.

– Ну, хорошо, – сдался Вершинин, – но это глупо.

– Так, мужики, – сделал выговор капитан, – хватит уже про инопланетную хрень разговаривать! Займитесь лучше делом. Что там с реактором, двигателями и связью?

Вершинин с минуту покопался в голографической операционке и начал докладывать:

– Капитан, по системам жизнеобеспечения всё понятно, они функционируют исправно, к ним у нас полный доступ. Я проверил системы регенерации кислорода и воды, поглотители CO₂, климатическую установку. Вот! Нашёл ещё панель управления вращением жилого отсека. Думаю, мы сможем воссоздать на борту гравитацию.

– Ого, – прокомментировал Медведев, – мало того, что нам достанутся такие хоромы, мы ещё и в комфорте полетим.

– А вот это вряд ли, – угрюмо сказал Вершинин, пытаясь активировать какие-то командные строки, горящие красным. – Никуда мы не полетим, дружище, доступа к двигателям нет.

– Плохо, – послышался в наушниках голос капитана. – Ещё плохие новости есть?

– Есть, – нахмурился Вершинин. – Доступа к системам связи тоже нет.

– Значит, – заключил капитан, – мы сможем спокойно находиться на борту «Осириса», но не сможем им управлять.

– И не сможем ни с кем связаться, – добавила Алла Марр.

– Будьте как дома, – сказал Медведев.

– Но не забывайте, что вы в гостях, – закончил саркастическую фразу Вершинин.

– Что ж, – бодрым голосом сказал Сопкин, – могло быть и хуже. В любом случае, вариантов у нас не так много. Будем перебираться на «Осирис». Давайте-ка, ребята, обратно на «Марк». Для переезда нам понадобится платформа. Да, Серега, ещё один момент.

– Слушаю.

– Если получится, просканируй эту железяку на наличие живых организмов.

Друзья не поверили своим ушам и переглянулись.

– Знаю, знаю, – пояснил Сопкин, – звучит как бред, но я не просто так дожил до звания капитана. Я не всегда верю на слово этим большим боссам.

– При всём уважении, капитан, – неуверенно косясь на Медведева, сказал Вершинин, – думаете, на борту кто-то мог уцелеть при пятипроцентном содержании кислорода в воздухе?

– Да ничего я не думаю, просто мы имеем дело с неординарной ситуацией. Судно, на первый взгляд исправное, дрейфовать в космосе без причины не будет. Чаще всего, поверьте моему опыту, все нештатные ситуации связаны именно с человеческим фактором. Кто его знает, что тут было и почему вообще ИИ корабля понадобилось включать системы жизнеобеспечения?

– Резонно, – согласился Вершинин. – Я посмотрю, что можно сделать.

– Только не тяните там, времени у нас мало. Нужно ещё продумать сам процесс эвакуации экипажа и транспортировки всего, что мы сможем снять с «Марка». Мы уже этим занимаемся.

Вершинин просканировал корабль на наличие биологических объектов, благо доступ к этой системе был открыт. Как и ожидалось, на борту никого не оказалось, и ребята с облегчением выдохнули.

– Ну что, полетели обратно? – предложил Сергей.

– Может, осмотрим корабль?

– Ты слышал, времени в обрез. И потом, на осмотр всех отсеков уйдет несколько часов. У нас их нет. Осмотрим корабль, как только переберёмся.

В их паре именно Вершинин был главным, а потому Медведев лишь руками развёл:

– Ну, хорошо, ты у нас босс. Самое главное мы и без того узнали, – Вершинин не понял, на что именно намекает Медведев, и тот пояснил. – Тут есть исправный сортир.

Вершинин шутку не оценил:

– Тоже мне – космонавт. Не сортир, а санитарно-гигиенический блок.

Возвращаясь обратно, Сергей установил на шлюз электромагнитный блокиратор.

– Это на случай, если «Осирису» приспичит вновь от нас запереться, – пояснил он свои действия.

Они успешно покинули шлюзовую камеру и быстро расстыковались.

– Кстати, – словно опомнившись, спросил Медведев. – А почему мы не попытались поговорить с этим ИИ на борту «Осириса»? На позывные он не отвечает и никак не реагирует на попытки связаться с ним по радиосвязи. Но он ведь должен иметь голосовой анализатор. Я служил на таких кораблях. ИИ там был не такой продвинутый, но с ним всегда можно было поговорить. Все пользовались именно таким средством коммуникации.

– Если помнишь, – спокойно ответил Вершинин, – кое-кто испугался снять скафандр. Наружных динамиков в шлемах не предусмотрено, а без них нашу речь компьютер просто не услышит.

– То есть мы попробуем в следующий раз?

– У нас будет предостаточно времени, чтобы перепробовать все варианты. Этим есть кому заняться.

Эта фраза о времени заставила Медведева задуматься. Пятнадцать лет. Эта цифра ещё не успела отпечататься в его подсознании и пока не выглядела устрашающей. Пока не выглядела. Пятнадцать лет – именно столько потребуется спасательной миссии, чтобы добраться до них. И это было безумно долго. Как провести столько времени в замкнутом пространстве и не свихнуться? А ведь потом ещё и обратно лететь. Тоже пятнадцать лет.

Нет, не близких потерять боялся Медведев. Отправляясь в этот дальний рейс, он уже знал, что никогда больше не увидит ни друзей, ни приёмных родителей. По сути, это было одной из причин его согласия на работу за дальним рубежом – не видеть смерть опекунов, не хоронить их собственноручно. В конце концов, они о нём не особо заботились, так с чего вдруг ему заботиться о них? На самом деле Виктор боялся оказаться в обществе, где ему, космонавту-бурильщику, уже не будет места. Друзья и знакомые постареют или тоже умрут, технологии за такое время сделают ещё пару-тройку скачков, за ними и в конце двадцатого-то века не поспевали, что уж говорить о нынешнем времени. Молодёжи Медведев будет малоинтересен. Чем он вообще будет заниматься в мире, где его не было почти полвека? А ещё он боялся того дня, когда достигнет своей цели. Человек без цели – лишь потребитель.

– Слушай, Серёга, а на «Осирисе» есть капсулы гибернации?

По серьёзному выражению лица Вершинина Виктор понял, что этот вопрос уже посещал друга.

– Это я проверил первым делом.

Медведев оживлённо посмотрел на пилота, и тот обреченно ответил:

– Нет там ничего. Оно и логично. Зачем снабжать корабль гибернационными капсулами, если миссия беспилотная?

– И что нам делать?

– Очень рассчитываю на то, что у капитана на этот счёт есть идеи. Хотя лично я сомневаюсь. Насколько я знаю, капсулы на «Марке» двойного назначения. При нормальных условиях каждая капсула – это автономная гибернационная система. А при критических авариях они выполняют роль спасательных капсул и автоматически выстреливаются в космическое пространство.

– Чёрт, и что же нам делать? – повторил Медведев, глядя в пустоту космоса. Его начинала одолевая паника.

Весь оставшийся путь парни провели молча. Стыковка с «Марком» прошла в штатном режиме. На борту их встретили овациями, но на лицах героев радости никто не увидел.

Отложив тяжёлые мысли, Медведев и Вершинин присоединились к сборам. Весь остаток дня на «Марке» кипела работа. Главную скрипку в ней играли капитан Сопкин, осуществлявший общее руководство, и инженер Корнеев. Чувствуя важность своей миссии, Корнеев подошёл к работе со всей серьёзностью. Важно было демонтировать и перенести на «Осирис» всё, что могло пригодиться экипажу для выживания. Денис поминутно сверялся с технической документацией к кораблю и давал незанятым членам экипажа указания. В скором времени грузовой отсек «Марка» больше походил на склад запчастей, а сам корабль – на металлолом, который готовят к списанию. Отовсюду торчали шлейфы проводки, зияли дыры в стенах и потолке. На полу валялась обшивка, которую местами приходилось снимать полностью, чтобы добраться до необходимых агрегатов и датчиков.

Вскоре встал вопрос о том, как транспортировать самые важные ресурсы – кислородные баллоны и воду. Если с баллонами проблем не должно было возникнуть – они были достаточно мобильными и даже помещались в тесную кабинку буровой платформы, то с водой дело обстояло иначе. Её было достаточно, для того чтобы запустить полный замкнутый цикл жизнеобеспечения для девяти человек, но было совершенно непонятно, как её перенести на «Осирис». Вариант с использованием топливных шлангов тут же отбросили. Во-первых, не хватало их длины, а во-вторых, был существенный риск того, что вода попросту замёрзнет в трубах.

– Сколько воды на «Осирисе»? – ещё раз уточнил у Вершинина капитан.

– Не больше двухсот литров, кэп.

– Думаю, – сказал инженер, – это техническая вода. Её залили в систему перед полётом, чтобы не вышли из строя насосы и другие системы жизнеобеспечения. Для этих целей двухсот литров вполне достаточно в условиях беспилотной миссии, но этого количества не хватило бы даже для одного человека.

– Сколько воды у нас?

– Двадцать тонн.

Балычев присвистнул.

– Это мы что, бассейн с собой возим, что ли?

– Два бака по десять тысяч литров, – сказал Корнеев. – Они вмонтированы в корпус корабля по обе стороны от реакторного отсека.

– То есть снять их мы тоже не можем, – заключил Сопкин. – Думаем, господа, думаем! Вода нужна не только для питья. Это ещё и кислород!

– Давайте исходить из логики, – предложил физик Ильин. – Воду хранят в ёмкостях. Баки снять мы не можем, значит, нужно искать подходящие ёмкости.

– Тоже мне, мистер очевидность, – съязвил Балычев. – Это мы и без тебя поняли про ёмкости. Нет у нас никаких ёмкостей.

Капитан обвёл взглядом всех присутствующих в надежде, что у кого-нибудь возникнет идея. Но все члены экипажа сидели понурившись. Никаких идей на ум не шло.

– Может, воспользоваться капсулами гибернации? – робко предложила Валерия Мирская. – А что, они герметичны. Раз уж выдерживают вакуум космоса, должны выдержать и воду. Сколько их у нас, девять? Если вынуть оттуда всё оборудование, ложементы и прочее, получатся вполне себе баки. Причем вместительные. Туда же литров сто поместится. Девять баков – уже почти тонна.

– Идея занятная, – поддержал медика Вершинин. – Я тоже сразу об этом подумал, но тут есть ряд моментов, которые всё портят. Допустим, мы смогли разобрать капсулы и высвободить для воды больше пространства. Как нам их вытащить наружу? Капсулы монтируются на верфях, и единственный способ отсоединить их от «Марка» – это выстрелить ими в космос, ну, как при эвакуации. Выстреливаются они пневмопатроном. Давление там чудовищное, поскольку при эвакуации необходимо в кратчайшее время удалить капсулу на максимальное расстояние от терпящего бедствие корабля. Только потом срабатывают тормозные системы.

Но и это не главное. Допустим, мы придумали способ обмануть системы корабля и заставили его отстрелить все капсулы. Допустим, мы каким-то образом поймали их в открытом космосе. Как мы запихнем их на «Осирис»? Они по габаритам не проходят в шлюзовой отсек. А после всего этого нужно будет повторить процедуру двадцать раз. Не, пустое это, – махнул рукой Вершинин и сел на место.

– Да, – промямлил геолог Васильев, – задачка.

– Значит, капсулы не подходят, – подытожил капитан. – В любом случае, это всего тонна.

А нам нужно переместить двадцать. Думаем дальше.

– Может, всё-таки топливные шланги? – вернулся к первой идее Ильин.

Инженер Корнеев покачал головой.

– Тоже нет. Шланги короткие, всего десять метров. Да к тому же системы крепления топливных шлангов и баков различаются. А ещё против нас физика.

– Что вы имеете в виду? – не понял Медведев.

– Да всё просто. Для того чтобы жидкость перетекла из одной ёмкости в другую, необходима гравитация. Про закон сообщающихся сосудов слышали? А там, где установлены баки, гравитации нет. Воду закачивают принудительно насосами.

– А насосов у нас нет? – спросил физик Ильин.

– Насосы есть. Их, если что, и смастерить можно, думаю, я бы справился за день-два. Но как вы себе это представляете?

– Пока никак, – признался физик. – Просто я жить хочу и думаю над проблемой. Чем больше вариантов мы обсудим, тем быстрее найдём решение.

– Что ж, давайте ещё раз обсудим этот вариант, – Корнеев выглядел раздраженным, и потому слова его звучали довольно резко. – Для начала, чтобы перекачать жидкость из одного бака в другой, нам понадобится подлететь на «Марке» вплотную к «Осирису». Напомню, длина шланга всего десять метров. То есть это уже риск, и немалый. Затем нам понадобится каким-то образом врезаться в наш бак и соорудить насос. Ну, допустим, эту проблему я смогу решить. Но далее нам придется сделать две невозможные вещи – разгерметизировать наш корабль, чтобы вытащить шланг, и разгерметизировать «Осирис», чтобы этот шланг засунуть туда. А дальше мы столкнёмся всё с той же проблемой хранения – сильно сомневаюсь, что на «Осирисе» на такой случай припасены какие-либо ёмкости объемом в двадцать тон.

Все замолчали, пораженные нервным состоянием Корнеева. Таким его никто не видел. Инженер всегда выглядел собранным и производил впечатление флегматичного человека.

– Ах, да! – решил добавить он. – И всё это сработает при условии, что во время перекачки воды шланг не замерзнет в открытом космосе. Теперь понятно, почему идея со шлангами – это пустая трата времени?

– Теперь понятно, – Ильин поднял руки, демонстрируя свою солидарность. Он почувствовал неловкость за инженера и за то, что вынудил его предстать перед всеми не в лучшем свете. Такая резкость была свойственна Балычеву, и на него уже давно никто внимания не обращал. А теперь ещё и к Корнееву будут приглядываться. Ни к чему это сейчас.

Денис и сам понял, что был слишком эмоционален. Закончив свою мысль, он встал, сконфужено опустил голову и тихо извинился. Однако неловкость ситуации это так и не сняло, и в жилом отсеке, где проходило совещание, вновь воцарилась тишина. Через минуту голову поднял Медведев.

– Слушайте. А ведь идея со шлангами ещё не обсосана до конца.

– Чего ты там ещё сосать собрался? – грубо спросил Балычев, но Виктор пропустил это мимо ушей.

– Нет, я всё понимаю, космос холодный и всё такое... А что, если мы сделаем это, не прибегая к разгерметизации кораблей? Что, если мы вообще не будем пускать шланг через холодное пространство космоса?

– Не понимаю, поясни, – попросил Сопкин, хотя уже смутно догадывался, что именно хочет предложить Медведев. И Виктор предложил:

– Нам удалось состыковать с «Осирисом» буровую платформу, так? Все стыковочные узлы на кораблях федеративного флота унифицированы. Что нам мешает состыковать «Марк» и «Осирис»?

– Мешает то, что никто и никогда не стыковал друг к другу корабли таких размеров, – довольно спокойно ответил капитан.

– Но технически это ведь возможно? – не унимался Медведев. – От размеров кораблей суть стыковки не меняется. Одни и те же крепления, одни и те же стяжки и электромагнитные замки. Да, это сложно выполнить. Но я не думаю, что это невозможно в принципе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.